

Михаил Меерович Бейлькин

Секс в искусстве и в фантастике

Михаил Меерович Бейлькин

Секс в искусстве и в фантастике

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160398

Аннотация

«Секс в искусстве и в фантастике» – первоначальный вариант книги М. М. Бейлькина «Секс в кино и литературе».

Знаменитая «Лолита» – что Владимир Набоков хотел сказать в ней читателю? Что собирался скрыть от него? О чём не догадывался и сам автор книги?

Гениальные фильмы – «Солярис» Андрея Тарковского и «Заводной апельсин» Стэнли Кубрика – о чём они?

В чём сущность любви? Какие критерии позволяют отличить её от любых иных видов половой психологии и сексуальных взаимоотношений людей?

Как половые извращения: садомазохизм и педофилия выглядят в свете искусства? Что помогает мужчинам подавлять опасные и преступные сексуальные желания, не позволив им реализоваться?

Каковы печали и радости людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией и как они отражены в искусстве? Как избавиться от невротических расстройств, словно тень сопровождающих девиации?

Михаил Бейлькин обсуждает эти проблемы, анализируя творчество Владимира Набокова, Оскара Уайльда, Урсулы Ле Гуин, Эдуарда Форстера, Гая Давенпорта, Гора Видала, Ежи Анджеевского, а также фильмы, снятые по романам Станислава Лема и Энтони Бёрджесса.

Содержание

Вступление	5
Глава I. Опасное обаяние садомазохизма	14
Космический сводник	15
«Будь ты дитя небес иль порожденье ада...»	32
Свобода выбора и «запрограммированность» в сексе и жизни	50
Формула любви	60
Глава II. Сексуальные фантазии Урсулы Ле Гуин	74
Оборотни с планеты Зима	75
Превратности майората, или «Ромео и Джульетта» в «голубых» тонах	80
Нравы андрогинов на планете Гетен	89
Любовь братская и не только...	96
Метаморфозы вечной темы	105
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Михаил Бейлькин

Секс в искусстве и в фантастике

Вступление

Несколько лет назад мне удалось записать на телевидении передачу из цикла «Секс и культура», посвящённую фильму Андрея Тарковского «Солярис». Накануне её выхода в эфир я узнал о приезде в Челябинск знакомой журналистки, работающей на московском телевидении. Её заслуженно считают знатоком мирового кинематографа вообще и фильмов Тарковского в особенности. Уж её-то тема «Соляриса» заинтересует наверняка, решил я. Однако известие о предстоящей передаче было встречено с обескуражившей меня сдержанностью:

– Как странно, что вы надумали искать сексуальные проблемы именно в «Солярисе»! – пропела журналистка в телефонную трубку. – То есть, конечно же, там есть место и для взаимоотношений между полами, но это вовсе не главная тема фильма. Тарковский выше секса, он – прежде всего философ.

В тоне моей собеседницы угадывалась снобистская уве-

ренность в том, что я взялся не за своё дело.

– Впрочем, – продолжала она, – знаменитый священник отец Александр Мень опубликовал статью с богословской трактовкой «Соляриса». Почему бы, в конце концов, и сексологам не проявить свой профессиональный интерес к Тарковскому?! Что ж, спасибо за приглашение. Я посмотрю вашу работу!

После выхода передачи в эфир тон моей знакомой заметно потеплел. Она нашла анализ «Соляриса» крайне интересным и попросила у меня видеозапись для более тщательного просмотра. То, что последовало за этим, оказалось полной неожиданностью: она обратилась ко мне за врачебной помощью, посвятив меня в свои нешуточные сексуальные трудности.

Запреты, принятые в советское время, делали недоступным для российских читателей и зрителей огромный пласт первоклассных произведений литературы, кинематографа, театральных постановок, посвящённых печалям и радостям людей с нестандартной сексуальностью. Многие из деятелей искусства с необычайной искренностью и правдивостью открыли миру свои собственные тайны. Их творчество выявило и те душевные переживания, которые зачастую не осознавались самими писателями, поэтами, сценаристами и режиссёрами, вытесняясь из их сознания по особым психологическим законам. Между тем, они-то задевают за живое читателей и зрителей больше всего.

Кто-то воспринимает такие откровения как нечто очень важное и нужное, кто-то, напротив, видит в них пропаганду разврата, попытку самооправдания «моральных уродов и извращенцев». С неизбежностью возникает почти библейский вопрос: «Что есть истинная норма в сексе?» Ссылки на естественность или неестественность тех или иных форм полового поведения не выдерживают никакой критики. Если гомосексуальная активность наблюдается у представителей почти всех животных видов, то можно ли говорить о её неестественности у человека? *«Понятие сексуального поведения, укладываемого в границы нормы, является более широким, чем понятие типичного сексуального поведения»*, – предупреждает знаменитый польский сексолог Казимеж Имелинский.

В качестве критерия нормы логичнее принять чисто человеческое свойство половой психологии, неизвестное в животном мире и появившееся в процессе эволюции вида *Homo sapiens*. Речь идёт о способности к любви. Её атрибутами, то есть качествами, присущими лишь ей, являются избирательность и альтруизм. Именно они лежат в основе половой доминанты влюблённого: он испытывает радость, когда поступает собственными интересами ради интересов любимого человека, затмившего в его глазах всех других возможных объектов сексуального влечения.

Подобный подход позволяет провести границу между девиацией (латинское *de* – «от» и *via* – «дорога») как откло-

нением от стандартного типаполового влечения и поведения, и половыми извращениями – парафилиями (греческое *para* – «около, рядом» и *philia* – «любовь, влечение»). Лицам с девиациями (например, гомосексуалам) любовь вполне доступна. Тем же, кто страдает парафилией, – нет. В быту их именуют «*сексуальными маньяками*». Им свойственна труднопреодолимая тяга к аномальному сексуальному поведению; чувство дискомфорта вне подготовки и реализации половых эксцессов; повторяемость, серийность этих эксцессов, приобретающих преступный характер.

Обсуждение проблемы девиаций обычно приводит к вопросу, не являются ли они той творческой силой, которая движет художником и воплощается в его произведениях? Если да, то этично ли касаться подобных тем? Хотя анализ девиации того или иного автора – часто самый подходящий ключ к расшифровке его творчества, копаться в интимной жизни не всегда уместно. «Лезть в постель» к человеку, в том числе, к художнику, избегающему публичного разбирательства собственных интимных особенностей, непозволительно. Но со временем многое успело утратить покров тайны, став всеобщим достоянием, а кое-кто из знаменитых людей, не афишируя свою принадлежность к сексуальному меньшинству, не очень-то скрывал её и сам. Словом, о чём-то можно рассуждать вполне открыто, на иные сюжеты приходится накладывать табу. Во всяком случае, сексуальные проблемы самих писателей и режиссёров – не главная тема кни-

ги; гораздо важнее то, что они думают о жизни и переживаниях людей, любящих иначе, чем это принято у большинства.

Психологический анализ произведений, посвящённых нестандартному сексу, всегда вызывал интерес у любителей литературы и искусства. Сексолог, вооружённый профессиональными приёмами, способен разглядеть за вымыслом художника то, что порой ускользает от внимания даже самых проникательных и искушённых читателей или зрителей. Комментарии врача делают эмоции, до того неосознанные, яснее и понятнее, не обесценивая их при этом. Разговор с позиций сексологии и психотерапии приобретает профилактический и даже лечебный эффект, когда речь заходит о невротических расстройствах, часто сопровождающих девиации. А это крайне важно, так как невротическое развитие сближает девиации с парафилиями, наделяя половое поведение индивида аддиктивностью (навязчивостью, сродни наркоманической), блокируя его способность любить и обрекая его на промискуитет (беспорядочную смену партнёров). Важность и полезность подобных обсуждений подтвердил, в частности, успех передачи, посвящённой «Солярису». Её выход в эфир вызвал самые благожелательные отклики зрителей.

К сожалению, по мере коммерциализация телевидения, времена таких телепередач безвозвратно ушли. Их сменили своеобразные шоу, посвящённые транссексуализму и го-

мосексуальности. Обычно им сопутствует досадная многоголосица, связанная со скудостью научной информации у её участников. Сексолог вносит ясность в проблемы, выявившиеся по ходу дискуссии, но из-за недостатка времени всякий раз множество вопросов повисает в воздухе. Несмотря на изъяны, присущие таким передачам, их полезность не вызывает сомнений. Благодаря им геи и транссексуалы получили возможность обсуждать свои проблемы сообща с участием врача и иных экспертов. К сожалению, и эти передачи исчезают из программ телевидения.

Научно-популярные книги по сексологии воспринимаются также неоднозначно: интерес, вызванный ими, часто сопровождается странной критикой позиций врача. Автор поначалу с недоумением, а затем с всё большим пониманием сути подобной реакции, получает письма, в которых ему несправедливо приписываются либо гомофобные позиции, либо, напротив, преступные намерения совратить и «огомосексуальить» доверчивых читателей. Если переписка (в том числе и в Интернете) приводит корреспондентов к личной встрече с врачом, то беседа, начавшаяся с упрёков в адрес сексолога, как правило, заканчивается признанием факта, что в их сексуальной жизни всё обстоит далеко не так благополучно, как им хотелось бы. Оказывается, за чересчур эмоциональными нападками на врача чаще всего кроются невротические проблемы его оппонентов. Обычно речь идёт о гомосексуалах, страдающих усвоенной (интернализованной)

гомофобией. Возникают споры и с теми, кто ненавидит геев и осуждает любые отклонения от общепринятых форм половой жизни. Оказалось, что их гомофобия имеет невротические корни, общие с их же сексуальными расстройствами.

Подобные беседы врача с его оппонентами принимают психотерапевтический характер и оказываются очень полезными. Выяснилось также, что и переписка с врачом, даже оставшись анонимной, приносит пользу корреспонденту. По-видимому, работа над письмом, хоть и в меньшей мере, чем личная беседа с сексологом, приводит к частичному осознанию причин невроза, блокирующего способность любить (вне зависимости от характера половой ориентации индивида). Подобные наблюдения анализируются в научных статьях, опубликованных за последние годы сексологами.

Очевидно, что людям, не соответствующим гетеросексуальному стандарту, необходимо получить возможность прямого участия в обсуждении их проблем. Личный опыт, оказывается, лучше обдумывать сообща, а дискуссия по поводу общих забот помогает каждому из её участников осознать и преодолеть свои собственные психологические трудности. Исходя из этого, книга, предлагаемая читателям, размещена в Интернете в качестве интерактивной публикации. Я, во-первых, прошу посылать на сайт sexolog.ru.narod.ru или по e-mail: sexolog-ru@yandex.ru критические замечания в её адрес, а, во-вторых, призываю обмениваться личными наблюдениями, относящимися к сфере половых взаимоотно-

шений, и их анализом. Интересные сообщения будут публиковаться, сопровождаясь комментариями врача. Это будет полезным для всех и, в первую очередь, для самих корреспондентов. С благодарностью и вниманием будут приняты все подсказки и предложения, относительно фильмов, пьес, романов, картин и скульптур, интересных в плане сексологического анализа. Таким образом, есть все основания ожидать продолжения книги, причём её вторая часть в гораздо большей мере, чем первая, будет отвечать интересам читателей, ставших соавторами.

Разумеется, в предлагаемой публикации дело не ограничивается разговором о книгах и фильмах, посвящённых любви, как обычной, так и однополой. Обсуждаются и такие крайне непростые темы, как педофилия и садизм. Обмен мнениями на сайте по поводу этих парафилий тем более ценен, что люди, страдающие ими, больше, чем кто-либо избегают встреч с врачом. Между тем, они-то нуждаются в консультации, хотя бы и заочной, в первую очередь.

Перечисляя причины, заставившие меня приняться за работу, я не упомянул, что удовольствие прочесть отличную книгу, а потом поговорить о ней – великая радость для книголюбов. Похоже, что эта мотивация руководила мной не в последнюю очередь.

Надеюсь, что книга получилась полезной и занимательной.

Марка Пашкова, Сергея Шевякова, Александра Рябкова

и Александра Манойлова, а также моих сотрудников – Валерия Фасхеева, Александра Ковальчука и Давида Ящина прошу принять мою глубокую признательность за помощь в работе над книгой.

Глава I. Опасное обаяние садомазохизма

*Видели,
как собака бьющую руку лижет?!

*Я показал на блюде студня
Косые скулы океана.*

Владимир Маяковский

Космический сводник

Обсуждение важной темы предварим шуткой. Станислав Лем, замечательный польский писатель, приводит примеры безудержных литературных фантазий на темы секса в космосе. Так, в романе дамы-фантастки Ноэми Митчинсон, две землянки, попавшие на Марс, обсуждают особенности общения марсиан:

« – Ой, что это они делают? »

– Разговаривают, – ответила я. – Ну да, половыми органами.

И принялась объяснять, что обнажённые и подвижные половые члены невероятно чувствительны и способны передавать и воспринимать тончайшие оттенки мысли. Я и сама прибежала к их помощи, когда нужно было выразить какие-то особо тонкие нюансы.

– Знаешь, поначалу наши обычаи страшно шокировали марсиан. Они всё не могли смириться с тем, что мы закрываем то, что должно быть всё время открыто, и решили, что у нас действует какое-то особо гнусное табу на общение. Марсиане же не хотят, чтобы участки тела с самой высокой тактильной чувствительностью были закрыты. Это мешает коммуникации».

С дамами-землянками марсианские собеседники изысканно учтивы. *«Надеюсь, – произносит в конце каждого раз-*

говора один из них, – я нечаянно не оплодотворил одну из ваших яйцеклеток?!»

Шутки шутками, но когда к теме космического секса обратился сам Станислав Лем, он написал замечательный роман «Солярис», волнующий воображение уже третьего поколения читателей и породивший две экранизации, Андрея Тарковского и Стивена Содерберга.

Правда, дело не обошлось без обид на русского режиссёра. Лем не принял и не оценил его интерпретации своей книги. Фильм получил международное признание и «Большой специальный приз жюри» Каннского кинофестиваля, но это так и не примирило писателя с Тарковским. Много лет спустя после смерти режиссёра Лем рассказывал в своём интервью: «Я просидел шесть недель в Москве, пока мы спорили о том, как делать фильм, потом я обозвал его дураком и уехал домой.

– А в чём было дело? – спросил журналист «Московских новостей», бравший интервью у писателя.

– В том, что Тарковский в фильме хотел показать, что космос очень противен и неприятен, а вот на Земле – прекрасно. Но я-то писал и думал совсем наоборот».

Актриса Наталья Бондарчук, сыгравшая в фильме роль главной героини, объяснила разлад писателя с режиссёром более правдоподобно:

«Роман Станислава Лема и фильм Андрея Тарковского разнятся в главном: Лем создал произведение о возмож-

ном контакте с космическим разумом, а Тарковский сделал фильм о Земле, о земном. В конструкции его „будущего“ основными проблемами неизбежно остаются проблемы Советсти, вечная оплата грехов человеческих, которые, материализуясь, предстают перед героями «Соляриса»».

Впрочем, и эти размышления актрисы не совсем логичны: относить каждое из произведений лишь к одной из двух сторон, космической или земной, вступивших в весьма нетрадиционную связь, по меньшей мере, несправедливо.

Разумеется, конфликт мастеров интересен не в силу своей скандальности. Гораздо важнее, что, сопоставив два взгляда на один и тот же сюжет, можно полнее понять суть обоих произведений.

Напомню содержание фильма Тарковского. События происходят в далёком будущем, когда человечество освоило полёты к звёздам. Оказалось, что одна из планет в чужой галактике покрыта океаном, состоящим из протоплазмы и представляющим собой гигантский мозг.

Долгожданный контакт с космическим разумом, казалось бы, должен был вот-вот осуществиться; на планете была оборудована научная станция, рассчитанная на сотню учёных. Увы, прошло около ста лет, а Океан не замечал людей. Земляне были обескуражены. Число обитателей станции сократилось до трёх. Чтобы окончательно решить её дальнейшую судьбу, на Солярис был командирован психолог Крис Кельвин.

Прибыв на планету, он столкнулся с загадочными явлениями. Гибарян, один из учёных, работавших на станции, покончил с собой. Крис был знаком с ним ещё на Земле. В комнате покойного хранилась видеозапись, сделанная им перед самоубийством и обращённая к Кельвину. Просматривая её, психолог обнаружил рядом со своим другом 11–12-летнюю девочку, присутствие которой на станции было абсолютно невозможным. Потом он увидел её, спокойно разгуливающей по коридору.

Оба оставшихся в живых учёных ведут себя более чем странно. По временам они запираются, прячась друг от друга, причём Кельвину удалось подсмотреть в комнате одного из них, Сарториуса, странного карлика, то ли ребёнка, то ли взрослого. В комнате Снаута Крис краем глаза видит затылок лежащего мужчины, причём кинокамера фиксирует крупным планом ухо гостя из космоса.

Когда же психолог, предварительно забаррикадировав изнутри дверь отведенной ему комнаты, улёгся спать, то, проснувшись, обнаружил рядом с собой свою покойную жену Хари, покончившую с собой десять лет тому назад.

Крис обманом заманил Хари-2 в ракету и запустил её на космическую орбиту вокруг Соляриса. Тут-то Снаут, один из старожилов станции, объясняет ему суть происходящего. Оказалось, что Океан, прозондировав мозг обитателей станции во время сна, нашёл некие изолированные островки памяти, составляющие суть половых желаний каждого. По ним

изготавливались биороботы, материализующиеся по утрам рядом с тем, кто послужил для них матрицей. Копии почти во всём походили на оригиналы, но были и существенные отличия: способность к мгновенной регенерации и, следовательно, абсолютная неуязвимость; полная нечувствительность к ядам и к действию снотворных; неумение спать и отсутствие необходимости во сне; настоятельная потребность постоянно находиться рядом со своим «хозяином», ни на минуту не оставляя его. В противном случае «гость» испытывал тревогу, переходящую в панический ужас: такой уж была программа, заложенная в биороботов.

Океан, наконец-то заметивший людей, оказался идеальным сводником. Он поставлял землянам любовниц или любовников, максимально соответствующих их индивидуальным сексуальным предпочтениям. И тут случилось парадоксальное: каждый, кто получил столь роскошный подарок, во все не обрадовался своему приобретению. Все прятали своих «гостей» друг от друга и, улучив момент, отправляли их в космос. Это не помогало, так как утром точная копия «гостя», как ни в чём не бывало, заново ждала каждого из них. Драматизм происходящего заключался в том, что биороботы сделали явными девиации землян, хотя те всегда искренне считали себя вполне нормальными людьми.

« – Нормальный человек... Что это такое – нормальный человек? – рассуждает Снаут. – Тот, кто никогда не сделал ничего мерзкого. Но наверняка ли он об этом не думал? У

кого не было когда-нибудь такого сна? Бреда? Подумай о фетишисте, который влюбился, ну, скажем, в грязный лоскут; который, рискуя шкурой, добывает мольбами и угрозами этот свой драгоценный омерзительный лоскут... Это, должно быть, забавно, а? Который одновременно стыдится предмета своего вожделения и сходит по нему с ума, и готов отдать за него жизнь, поднявшись, быть может, до чувств Ромео к Джульетте. Ну, а теперь вообрази себе, что неожиданно, среди бела дня, в окружении других людей встречаешь это, воплощённое в плоть и кровь, прикованное к тебе, неистребимое...».

После рассказа Снаута становятся понятными мотивы самоубийства Гибаряна. Судя по ожившему образу его тайного сексуального желания, он всегда был неуверен в себе, в своей потенции, мужественности. «Несмотря на мужественную наружность, я ужасно робок», – признаётся его брат по педофилии в знаменитом романе Владимира Набокова «Лолита». Потому-то с взрослыми женщинами Гибарян всегда чувствовал себя неудобно, испытывая подлинный душевный комфорт лишь рядом с неполовозрелой девочкой. Мало того, выходя за узкие рамки сексуальной сферы, неуверенность в собственных силах отравляла его существование в быту, в контактах с другими людьми.

В подобной ситуации вступает в силу особый механизм психологической защиты – гиперкомпенсация. Вопреки собственной слабости и неуверенности в себе, Гибарян стал

«космическим волком», зримым воплощением мужества. Он и в постели, наверное, играет роль «крутого» любовника. Но всё это лишь видимость; по-настоящему полюбить женщину он не способен. Тут они с набоковским Гумбертом похожи друг на друга как близнецы. В остальном же их девиации существенно различаются.

Герой «Лолиты» обречён на пристрастие к девочкам-подросткам в силу врождённых особенностей своей нервной системы. Именно они сделали Гумберта способным на импринтинг – «запечатление» (от английского imprint – отпечатывать, запечатлевать). Так называют особую избирательность к внешним стимулам, которая возникает в критические периоды обучения животного или человека. В детстве Гумберт испытал безумную страсть к двенадцатилетней девочке, что и сформировало его сексуальные предпочтения на всю оставшуюся жизнь. Застыв в своей половой доминанте, герой Набокова прекрасно осознаёт собственную сексуальную нестандартность и, по мере возможности, удовлетворяет её всеми доступными ему средствами и любыми способами. Заполучив в своё распоряжение Лолиту, он растлил девочку, *разбил её жизнь* (как признаётся сам), а заодно и свою собственную. Ведь, в сущности, Гумберт, с его блестящей образованностью, изысканными манерами, безупречным французским, артистичной внешностью и тонкой нервной организацией, в свои 37 лет всё ещё оставался безответственным угловатым подростком.

В отличие от него, Гибарян никогда не решился бы не только реализовать свою педофилию, но даже подумать об этом. Самый выбор героической профессии, сделанный им, отчасти объясняется его стремлением обезопасить себя от любых соблазнов: в космосе непополовозрелых девочек нет.

На станции Солярис скрытое стало явным. Впервые Гибаряну пришлось признать для себя тот факт, что в основе его научных и космических достижений лежат слабость, сомнения в собственных мужских достоинствах, вечный самообман. Оказалось, что стремление к инопланетному контакту тоже зиждется всё на той же слабости и неуверенности в себе. Об этом говорит Снаут:

« – Мы отправляемся в космос, подготовленные ко всему, то есть к одиночеству, борьбе, страданиям и смерти. Из скромности мы не говорим об этом вслух, но думаем про себя, что мы великолепны. А на самом деле нам нужно зеркало. Мы хотим найти собственный идеализированный образ. Между тем по ту сторону есть что-то, чего мы не принимаем, от чего защищаемся. Мы принесли с Земли не только дистиллят добродетели, не только героический монумент Человека! Прилетели сюда такими, какие мы в действительности, и когда другая сторона показывает нам эту действительность – ту её часть, которую мы замалчиваем, – не можем с этим примириться. Мы добились этого контакта. Увеличенная, как под микроскопом, наша собственная чудовищная безобразность. Наше шутовство и

позор!»

Снаут и Гибарян считают, что все достижения человечества, его этика, культура, наука выросли из чувства неполноценности, свойственной людям; ведь зеркало, льстящее глядящемуся в него, нужно лишь тому, кто нуждается в самообмане и в утешении. Отсюда чувство стыда перед Океаном, стоившее жизни Гибаряну и мучающее Снаута.

Но Снаут оказался не слишком последовательным в своём самоуничижении. Учёный решил оправдаться перед космическим разумом, уговаривая Крису послать Океану наложенную на пучок рентгеновского излучения энцефалограмму, то есть адресовать ему мысли бодрствующего, а не спящего мозга. Кельвин усомнился в том, что такая «рентгеновская проповедь о величии человека» уместна, особенно если она исходит от него, Криса. Он не без оснований винит себя в смерти жены, рассказывая об этом в следующих словах:

« – Мы поссорились. Собственно... Я ей сказал, как говорят со зла... Забрал вещи и ушёл. Она дала мне понять... не сказала прямо... но если с кем-нибудь прожил годы, то это и не нужно... Я был уверен, что это только слова... что она испугается и не сделает этого... так ей и сказал. На другой день я вспомнил, что оставил в шкафу яды. Она знала о них. Они были мне нужны, я принёс их из лаборатории и объяснил ей тогда, как они действуют. Я испугался и хотел пойти к ней, но потом подумал, что это будет выглядеть так, будто я принял её слова всерьёз, и ... оставил всё как

было. На третий день я всё-таки пошёл, это не давало мне покоя. Но... когда я пришёл, она была уже мёртвой».

Ни один суд присяжных не обвинил бы Криса Кельвина в убийстве. Поэты, когда речь идёт о садомазохизме, прозорливее:

*Любимых убивают все,
Но не кричат о том.
Издёвкой, лестью, злом, добром,
Бесстыдством и стыдом,
Трус – поцелуем похитрей,
Смельчак – простым ножом.*

(Оскар Уайльд)

Появление в доме ядов, инструктаж Хари по их применению, ссора, уход из дому вопреки угрозе жены покончить с собой – всё это складывается в цепочку отнюдь не случайных событий. Самоубийство Хари было спровоцировано Крисом: подсознательно он желал её мучений и смерти.

О том, что дело обстоит именно так, свидетельствует поведение Хари-3. Даже несмышлёный гость Сарториуса знает, как выйти из его комнаты. Не то Хари – ей, случайно оказавшейся однажды в разных помещениях с Крисом и потому впавшей в панику, надо открыть дверь вовнутрь. Но она с нечеловеческой силой (а сила у этого порождения Океана ги-

гантская!) толкает её наружу, сгибая и ломая сталь. Окровавленная, с разорванными кожей и мышцами, Хари вываливается сквозь образовавшуюся дыру к ногам Криса. Ещё ужаснее сцена её самоубийства с помощью жидкого кислорода (правда, она сопровождается сладострастными позами и судорогами полураздетой мученицы!). Наталья Бондарчук рассказывает, как Тарковский инструктировал её перед съёмкой:

« – Понимаешь, что такое выпить жидкий кислород? У неё даже нутра нет – всё сожжено...

Целую неделю после съёмки у меня болело горло, и я еле выговаривала слова, настолько сильно было психическое влияние этой сцены».

Хари-3 не просто калечит себя и умирает; каждый раз она воскресает: её тело тут же регенерируется. Бесценная партнёрша для садиста! Оказывается, что девиация Криса, увы, гораздо более тяжка, чем латентная (скрытая) педофилия Гибаряна или гомосексуальность Сарториуса. И всё же он согласился участвовать в затее Снаута.

О том, удался ли план умиротворения Океана, выясняется в финале кинофильма. Вначале мы видим Кельвина, идущего с собакой к отчуждённому дому. Его глазами мы смотрим через окно на отца, находящегося в доме, а затем вышедшего навстречу Крису. Далее следует сцена, повторяющая сюжет картины Рембрандта «Возвращение блудного сына».

Всё это поначалу вызывает оторопь у зрителя, который

знает, что такое попросту невозможно: в соответствии с теорией относительности, космонавт, вернувшийся из чужой галактики, не может застать отца живым. Странной кажется сцена, когда на отца, находящегося в комнате, льётся то ли вода, то ли кипяток, на что старик не обращает никакого внимания. Наконец, коленопреклонённая поза Криса, обнимающего ноги отца, слишком уж театральна; то, что хорошо в живописи или на сцене, неуместно в фильме. Но постепенно всё становится на своё место: камера отходит, и с высоты птичьего полёта мы видим уменьшающихся в размерах отца, Криса, собаку, дом, островок. Наконец, остаётся лишь бескрайний Океан. Оказывается, всё это – и дом, и собака, и Крис, и его отец – создано Океаном. Крис получил возможность наблюдать за поведением своего двойника, каким, по мнению космического супермозга, оно было бы, вернись Кельвин на Землю. Контакт с инопланетным разумом осуществился во славу человечества: Океан не только простил землянам их девиации, но и выразил это в духе библейской морали в образах, близких к живописи Рембрандта. В этом суть фильма.

Тарковский почти не отклоняется от сюжета повествования; он очень бережно сохраняет диалоги Лема. Внесённые режиссёром изменения, даже самые существенные, отнюдь не противоречат смыслу роману; напротив, они делают его более логичным и точно аргументированным. Скажем, по Лему, «гость» Гибаряна – некая громадная экзотическая

негритянка, одетая лишь в соломенную юбку. Как объект детских или подростковых эротических фантазий такой образ вполне уместен. Но можно ли объяснить самоубийство учёного появлением подобного биоробота? На взгляд сексолога, конечно же, нет, даже если бы образ туземки стал фетишем и лёг в основу соответствующей девиации Гибаряна. Любая материализация детских сексуальных фантазий была бы с восторгом встречена учёным как научный факт установления контакта землян с Океаном. Тарковский логичнее Лема: педофилия – явный грех, заслуживающий гораздо большего осуждения, чем привязанность к фетишу. Только в этом случае оправданны слова Гибаряна, обращённые к Крису и записанные на видеокассету в момент самоубийства учёного: *«Я сам себе судья. Это не сумасшествие. Речь идёт о совести»*.

«Гость» Сарториуса в фильме тоже изменён, но это сделано по рецепту самого Лема. В романе он – мальчик в широкополой соломенной шляпе, топающий босыми ножками и по временам заходящийся детским смехом. В то же время, в одном из эпизодов романа Крису Кельвину при мысли о «госте» Сарториуса почему-то на ум приходит смутное представление о каком-то карлике. Что ж, Тарковский подчёркнуто покорно превращает этого биоробота в некий странный гибрид – карлика со взрослым лицом и детским тельцем.

На то, кто приходит к Снауту, в книге нет и намёка. Известно лишь, что его «гость» обладает высоким интеллек-

том: при заочном коллективном обсуждении природы биороботов менее всего сдержан Сарториус; Крис Кельвин, вынужденный считаться с присутствием возле него Хари-3, намного старательнее в выборе выражений; самый же осторожный из всех – Снаут. Именно он больше остальных опасается, что его «гость» способен понять, о чём идёт речь в беседе учёных. Уместно напомнить, что тот же Снаут – единственный из всех землян, кто не отрицает эротического наслаждения, подаренного ему его «гостем». Отправив своего очередного посетителя в космос («разведясь с ним», чтобы получить возможность личного общения с обитателями станции), он признаётся Крису: *«Со вчерашнего дня я прожил пару лет. Пару неплохих лет, Кельвин. А ты?»*. И он же больше, чем кто-либо из обитателей станции (разумеется, исключая покойного Гиббаряна) мучится из-за своей девиации.

Тарковский материализовал любовника Снаута. Как уже говорилось, проследив за взглядом Криса, мы видим мужской затылок и ухо, почему-то снятое очень крупным планом.

Сарториус, тщательно скрывающий своего уродца от чужих глаз, нашёл эффективный способ психологической защиты: он подчёркнуто рассматривает «гостя» в качестве объекта научных исследований, ставя на нём жестокие эксперименты, доходящие до степени садизма. Недаром Хари-3, биоробот, упрекает учёного в бесчеловечности!

Акцентируя внимание зрителей на садистских чертах Кельвина и Сарториуса, Тарковский наделяет своих героев девиацией, которая логически вытекает из романа, но в нём самом отсутствует. Собственно, вся вторая часть книги Лема – мелодрама, не слишком-то убедительная для читателя. Её главный стержень – несчастная любовь Криса к Хари-3. Именно поэтому тот поначалу отвергает идею своего ходатайства перед Океаном в защиту человечества: *«А вдруг я хочу, чтобы она исчезла. У меня этот кисель (Океан. – М. Б.) и так уже вот где сидит!»* (цитата из фильма, логично уточняющая мысль Лема). Хари-3 в тайне от Криса настояла на собственном самоуничтожении с помощью прибора, созданного Сарториусом. В полном соответствии со своей мазохистской программой она в точности повторила судьбу земной Хари. В романе покинутый любовник собирается остаться на станции после того, как остальные космонавты вернутся на Землю. Он ждёт от Океана новых чудес. Будет ли такое ожидание одинокого психолога занятием продуктивным и профессиональным, Лем почему-то не обсуждает. Между тем, как напоминает Кельвину Снаут, вокруг планеты вращается ракета с Хари-2, обречённой в своём одиночестве на вечные муки. Может быть, вполне логично предлагает Снаут, стоит вернуть её на станцию?! Крис уклоняется от ответа.

Мелодраматическая линия Лема, изрядно сдобренная мистицизмом и освобождённая от философских размышлений,

положена в основу американской экранизации «Соляриса» Стивеном Содербергом. Несмотря на полное единодушие писателя и режиссёра, не похоже, что этот фильм когда-нибудь получит хоть какую-то премию. Основным его достоинством можно счесть то, что Гибарян снова стал Гибарианом, утратив армянское происхождение, кавказский тип лица и акцент, невольно приобретённые им благодаря неправильной транскрипции его фамилии в русском переводе с польского. Она, как и фамилия «Сарториус», явно восходит к латинским корням и, возможно, имеет свой скрытый смысл. Gibba – «горб»; gibberosus – «запутанный», «сложный», а также «горбатый»; иначе говоря, слово «Гибариан» ассоциируется с тайным и запутанным дефектом, ставшим явным и уродливым, как горб.

Тарковский сводит мелодраматические мотивы романа к минимуму; его Крис больше ничего не ждёт от Океана и навсегда покидает станцию.

Самое большое отступление от текста книги – введение в число действующих лиц отца Кельвина. Оправданность этого шага очевидна: с его помощью стал возможным апофеоз фильма – сцена «возвращения блудного сына».

Но если Океан простил и Крису Кельвина, и всех остальных обитателей станции, и человечество в целом, то сам Тарковский пессимистически самокритичен. В конце его фильма Кельвин жёстко признаётся, повторяя слова, ранее уже сказанные им в связи с самоубийством земной Хари: «*В по-*

следнее время наши отношения с ней совсем испортились». Теперь он произносит их после самоустранения Хари-3. Круг замкнулся: Крис остался садомазохистом, неспособным любить. Таков неутешительный итог фильма Тарковского.

Пессимистом предстаёт перед читателем и Ежи Анджеевский. Речь идёт о его повести-притче «Врата рая», экранизированной знаменитым режиссёром Анджеем Вайдой. И этот польский писатель, подобно Снауту и Тарковскому, видит в девиациях, гомосексуальности, педофилии и садомазохизме, – движущие силы истории человечества. Но, в отличие от Тарковского, Анджеевский чужд самой идее, что прогресс покупается отказом от реализации всех видов полового влечения, отвергаемых обществом, и что он достигается в ходе преодоления людьми их слабостей. Чем сильнее тяга графа Людовика, садомазохистского героя его повести, к любви и к добру, тем глубже вязнет он во зле, тем больше окружающих он губит. Врата рая оказываются входом в ад.

С точки зрения сексолога, такая постановка вопроса не совсем справедлива, но она заслуживает самого внимательного анализа.

«Будь ты дитя небес иль порожденье ада...»

Повесть Анджеевского написана своеобразно. Она состоит всего из двух предложений, второе из которых гласит: *«И они шли целую ночь»*. Первое же – весь остальной текст; оно передаёт ритм непрерывного шествия огромной толпы, включает в себя диалоги безымянного священника с каждым из его спутников, отражает их мысли, точнее, поток их сознания, сопровождаемый комментариями рассказчика. Особый синтаксис книги, разумеется, скрупулёзно сохранённый мной в цитируемых из неё отрывках, – мастерский приём Анджеевского: *«...на исходе была уже пятая неделя с того предвечернего часа, когда Жак из Клуа, прозванный Жаком Найдёньшим, а в последнее время называемый Жаком Прекрасным, покинул свой шалаш над пастбищами, принадлежащими деревне Клуа, и сказал четырнадцати деревенским пастухам и пастушкам: Господь всемогущий возвестил мне, чтобы, противу бездушной слепоты рыцарей и королей, дети христианские не оставили милостью своей и милосердием город Иерусалим, пребывающий в руках нечестивых турок, ибо скорее, нежели любая мощь на суше и на море, чистая вера и невинность детей могут сотворить величайшие деяния...»*

Речь идёт о так называемом крестовом походе детей. В хо-

де первого похода в 1099 году Иерусалим был завоёван рыцарями-крестоносцами. Христианский мир не стал от этого ни лучше, ни счастливее. Сто лет спустя арабы отвоевали город, и участники последующих крестовых походов уже ничего не могли с этим поделать. Четвёртый же из походов так и не достиг Палестины. Христово войско вместо Иерусалима захватило столицу Византии Константинополь, вырезав, изнасиловав и ограбив тысячи православных христиан. Культурные ценности и книги безжалостно уничтожались; драгоценности, золотые изделия и церковные реликвии выгребали из дворцов и церквей; рыцари вывозили награбленное в Европу, причём большая часть богатств погибла в пути или была отнята другими грабителями, турками, печенегами, половцами и болгарями. (Робер де Клари «Завоевание Константинополя»).

Случилось это в 1204 году, оставив в памяти Алексея Мелиссена, грека из Византии, воспоминания, поведанные им в пешей исповеди священнику: *«...ночью я проснулся среди трепещущих отблесков огня, среди гула, бряцания оружия, воя, женского плача и стонов умирающих, возле меня стояли женщина и мужчина, когда я проснулся, позади, за окном пылало яркое зарево, я помню только это зарево и мужчину с женщиной, стоявших у моего огромного ложа, как они выглядели, не помню, это были мой отец и моя мать, но я не помню их лиц, не слышу их голосов, помню приближающийся в трепетном зареве гул, бряцание оружия, женский*

плач и стоны умирающих я помню, в ту минуту внезапно раскололась огромная дверь, она была так высока, что казалась мне и не дверью вовсе, не помню, чем она казалась, но когда внезапно, будто переломившись надвое, дверь раскололась, и темнота обступила меня, я впервые увидел его, он был юный, сияющий, и я сразу полюбил его, помню короткие вспыхивающие мечи, потом, помню, на мои стиснутые у горла руки брызнули струйки, то была кровь моих родителей, не знаю, кровь отца или кровь матери, кровь была у меня на руках, на губах, мне хотелось кричать, но я не кричал, а потом, вот это я помню, будто случившееся вчера, он ко мне наклонился, я зажмурил глаза, почувствовал его ладонь на мокром от пота лбу, мне хотелось плакать, но я не мог, так как чувствовал тошнотворный вкус крови на губах, помню он взял меня на руки, помню его склонившееся надо мной лицо, но что было дальше, не помню...»

Так восьми лет от роду Алексей попал к Людовику Вандомскому, графу Шартрскому и Блуаскому, к одному из тех, кто, движимый жаждой наживы и власти, грабил и поджигал город; к тому, кто на глазах мальчика убил его родителей, кто стал затем его наставником и опекуном, сделав единственным наследником старинного графского рода Франции.

Мальчик рос крепким, выносливым и умным; фехтовал, скакал верхом, стрелял из лука, во всём превосходя своих друзей-сверстников. Приёмный отец *«рассказывал мне, тогда уже подростку, что в ту кошмарную ночь резни и по-*

жаров, он, двадцатилетним юношей поклявшийся все свои богатства и дарования отдать делу освобождения из-под ига неверных Гроба Христа, в ту ночь словно очнулся и понял, что совершено тяжкое преступление, и меня, потерявшего отца и мать, спас, вынеся на руках из горящего дома, специально, чтобы искупить хоть малую толику зла, причинённого христианскими рыцарями, <...> а той весной он подарил мне пурпурный плащ со словами: через два года ты получишь золотые шпоры и золотой рыцарский пояс... <...> однажды, той же весной, он взял меня с собой в баню, он отослал прислуживавших нам при купании челядинцев, вначале мне было немного неловко, но я стеснялся не своей наготы, а тишины, которая царила вокруг, ведь я привык, что в бане всегда стоял гомон, мне недоставало этого гомона и недоставало моих друзей, кажется, я ни о чём не думал, разве только чувствовал небольшую усталость от того, что провёл целый день в седле, так как спозаранку уехал один в лес, горячая вода, однако мгновенно смыла с меня усталость, потом я лёг на низкое ложе и, кажется, по-прежнему ни о чём не думал, я даже тогда ни о чём не думал, когда он, приблизившись к ложу, лёг рядом и, без единого слова меня обняв, притянул к себе, я почувствовал его наготу подле своей, а его лицо, узкое и сухое, ещё молодое, хотя изрытое тёмными бороздами, с острым носом и глубоко посаженными глазами, до того светлыми, что они казались нагими, увидел так близко, как шесть лет назад,

когда это лицо впервые надо мной склонилось...».

В разговоре, последовавшим потом, Алексей ответил утвердительно на вопросы графа, стал ли он уже мужчиной и хорошо ли ему сейчас с ним, а тот, не дрогнув, сказал «да», на вопрос, он ли убийца его родителей: «...да, это правда, я совершил это страшное злодеяние, поскольку, исполненный веры и надежды, считал, что если на нас плащи крестоносцев и мы дали обет пожертвовать всем ради освобождения Гроба Христова из-под ига неверных, то и всё, что мы делаем, правильно и необходимо, ибо служит этой единственной и высочайшей цели, то было заблуждением моей святой веры...».

Алексей грезит в объятиях Людовика; он видит его в длинной чёрной тунике, перехваченной золотым поясом, окружённым духовенством, рыцарями и дворянами в сверкающих доспехах в готическом соборе Шартра. Граф, касаясь мечом Библии, клянётся отдать жизнь освобождению Святого Гроба; Алексей в красивой одежде пажа стоит рядом с ним; ангелы под куполом храма внимают словам присяги. Между тем, исповедь его приёмного отца, лежащего рядом, была покаянной и горькой: «он говорил: теперь мне уже трудно сказать, когда я понял, что совершаю преступление и не только не приближаюсь к желанной цели, а, напротив, от неё отдаляюсь, превращая в почти недостижимую, будто на пути к вершине высокой горы скатываюсь в пропасть, может быть, впервые эта догадка озарила меня,

когда, сам запятнанный кровью, я увидел тебя на огромном ложе, тоже обагрённого кровью, которую я пролил, тогда, с опозданием на несколько часов, с опозданием на одну эту ночь я понял, что лишь перед теми, чьи мысли чисты и чьим поступкам сопутствует чистота, могут открыться врата Иерусалима, но сейчас, по прошествии лет, полных лишений и самоистязания, когда я делал больше, чем желал, дабы искупить причинённое мною в ослеплении веры зло, сейчас, обняв тебя, я вновь, теперь уже добровольно, закрываю перед собой врата далёкого Иерусалима, так как сильнее всего, что во мне есть, моя тёмная к тебе любовь, к тебе, который должен был стать моим сыном и наследником, но которого давно уже вижу я в мыслях своим любовником, можешь делать со мной, всё, что хочешь, – сказал я, когда он умолк, он же спросил: тебе это будет приятно? можешь делать со мной, всё, что хочешь, – повторил я, – что б ты ни сделал, мне будет приятно, и тогда это произошло, но, когда произошло, я не почувствовал себя счастливым, меня лишь переполнило неведомое прежде блаженство и обуяло желание снова его испытать, счастливым же я себя не чувствовал, потому что тогда уже понял, что он не любит меня, что ему нужно лишь моё тело, знаю, что и он это понимал, хотя старался обмануть и себя и меня, и говорил, что любит, но, говоря так, говорил неправду...»

Чувства неистового Людовика к Алексею схожи с теми, что выразил в своих стихах Шарль Бодлер:

*Я люблю тем сильнее, что как дым ускользя,
И дразня меня странной своей немотой,
Разверзаешь ты пропасть меж небом и мной.*

Уступив своей страсти, он вновь скатился с горы в пропасть. По-крайней мере, так это виделось воину Христа. Он тщетно пытается разорвать порочные узы, закрывающие перед ним врата возжеленного Иерусалима. Потому-то мечется Людовик, ища других партнёров, способных вытеснить из его души преступное влечение к Алексею. Это хорошо понимал его любовник, такой юный и такой взрослый: *«ибо только к моему телу возжелел, он жаждал любви, но не способен был меня полюбить, ненасытное возжеление было его единственным настоящим чувством, знаю, не раз, обнимая меня и говоря, что любит, он думал: пустое всё это, я не могу его любить, но и жить без него не могу, а я, когда насытившись мной, он внезапно оставлял меня одного, думал: я – его собственность, его вещь, поэтому ему проще презирать меня, чем себя, я ненавижу его, но и себя ненавижу, так как покорно соглашаюсь на всё, чего б он ни захотел, мне это приятно, а поскольку приятно, я не могу от этого отказаться, за что и ненавижу себя, я знал, что кроме меня ему нужны были другие тела, он их искал и находил, но потом снова возвращался ко мне, а я, хотя знал, что он*

придёт, ещё согретый теплом другого тела, его ждал...».

Достигнув шестнадцати лет, Алексей и сам попытался однажды разорвать их связь. Он сделал это из отчаяния, зная, что его любовник прячется в пастушеском шалаше Жака, прозванного Прекрасным. Отчаявшегося юношу встретила Бланш, девушка, влюблённая в подростка-пастушка и только что отвергнутая им; «...она спросила: можешь сделать так, чтобы я перестала думать о нём? я сказал: раздевайся, и она разделась, я стоял над ней...».

Надо признать, что, настраиваясь на секс с женщиной, Алексей прибег к психологической уловке: «я тоже, сбросив с себя одежду, стоял над ней и думал: вот перед тобой лежит Жак, поспеши, ибо через минуту Жак перестанет быть Жаком, она лежала обнажённая на моём плаще, я впервые ступил босыми ногами на этот плащ, впервые потому, что до сих пор он служил не мне, а моему ожиданию, я ступил на свой пурпурный плащ и сказал: он тебя прогнал?, сказал так, потому что не нашёл других слов, а не потому, что лежащая передо мной незнакомая обнажённая девушка пробудила во мне желание, единственно от тоски, от неутолённой жажды и одиночества я это сказал и ещё раз, вовсе об этом не думая, повторил: он тебя прогнал?, тогда она попросила: сделай так, чтобы я больше не думала о нём, и тут я внезапно почувствовал, что моя мужская сила – моя мужская сила, и я лёг на незнакомую девушку, и когда потом пробудился от глубочайшего сна, и грудь моя

горела в огне, а руки обнимали чужое тело, вот тогда, открыв глаза, затуманенные тяжёлым сном, я увидел его: он стоял над нами, слившись в любовном объятии, но гнева не было на его тёмном лице, его глаза, такие светлые, что казались нагими, теперь были наги больше обычного, он бил нас тем кожаным арапником, который выронил второпях, когда я затрубил в рог, а он поспешино спрятался от меня у Жака в шалаше, он нас бил, она, как и я пробудившись от тяжёлого сна, попыталась найти защиту от первых ударов во мне, поскольку я был ближе всего, но потом, увидев его, увидев, что мы наги, а он одет и бьёт нас арапником, стремительно выскользнула из моих объятий и, крича, будто её резали, убежала, я продолжал лежать на своём плаще, он стоял надо мной и без устали меня бил, я лежал, принимая сильные, до крови рассекающие кожу удары, внезапно он перестал меня бить и, стоя надо мной, замер, я спросил: почему ты меня бьёшь? потому, что я переспал с этой шлюхой, или потому, что, спрятавшись от меня у Жака в шалаше, ты вынужден был меня обмануть?, тогда он отбросил арапник, опустился рядом со мной на колени и, желая убежать от меня, а также, наверное, и от себя, заключил меня в свои объятия, я знал, что он обнимает меня в последний раз, и, когда он делал со мной, то, что привык делать всегда, закрыл глаза, чтобы он не видел моих слёз...».

Исповедь Алексея продолжалась; слышались шаги двух с лишним тысяч детских ног; беззвучно колыхались в темноте

хоругви и чёрные кресты; где-то в хвосте колонны скрипели телеги, на которых везли выбившихся из сил участников похода. Старый человек, который три дня исповедовал детей, очищая их от всяческих грехов и проступков, *«был большим и грузным мужчиной в бурой рясе монаха-минорита, он шёл впереди, шёл медленно, поступью очень усталого человека, неуклюже припечатывая землю тяжёлыми отёкшими ступнями, старый человек думал: если юность не спасёт этот мир от гибели, ничто больше не сумеет его спасти, потому-то все надежды и чаянья я возложил на этих детей...»*. Ни фанатиком, ни честолюбцем старик не был; он ничем не походил на Петра Пустынника и других проповедников, идейных вдохновителей крестовых походов. Религиозный экстаз, порождённый юным пастушком Жаком, застал его врасплох. Он слышал правду и ложь из уст тех, кто боготворил Жака и любил его. Став в голове шествия, исповедуя детей и подростков, монах мучительно размышлял, можно ли надеяться на чудо, и если нет, то сможет ли он предотвратить их гибель?

Алексей, примкнув к участникам похода, стал его движущей силой. Он заколол своего бесценного андалузского жеребца, чтобы накормить изголодавшихся детей; он заставляет их исповедоваться монаху (в том числе свою любовницу Бланш: *«убью, как собаку, если не исповедуешься и не получишь прощенья, лги, но будь такая, как все»*); он облачил Жака в свой знаменитый пурпурный плащ, подарок графа,

который из символа надежд юного грека превратился в любовное ложе его отчаянья, на котором Бланш отдавалась ему, на котором он в последний раз сам отдавался Людовику.

Что направляло стальную волю Алексея? Что стало причиной религиозного озарения Жака? – эти вопросы мучили старого исповедника.

Роковая ночь, когда Людовик наткнулся на костёр, разведённый пастухом, оказалась поворотным пунктом в судьбах множества людей. Исповедуясь, Жак рассказывает: *«я стоял, наклонившись к огню, и тут он появился передо мной на великолепном вороном жеребце, появился нежданно-негаданно, я не знал кто он такой, судя по облику и одежде, то был рыцарь благороднейшего рождения, ты знаешь дорогу в Шартр?, Шартр там, – сказал я и показал рукой, – там, где полуночная звезда, если без промедления отправитесь в путь, к утру попадёте в Шартр, ночь была очень светлая, так что полная луна уже восходила над лугами внизу, я подумал, что сейчас он уедет, взмолился в мыслях, чтобы этого не случилось, и сказал: если не хотите ехать в темноте, в Клуа можно найти удобный ночлег, я предпочёл бы воспользоваться твоим гостеприимством, – сказал он в ответ, а у меня сильно забилося сердце, шутите, господин, мой шалаш убог, ты его не любишь?, – о нет!, – воскликнул я, – я очень его люблю, тогда он улыбнулся, и его светлые глаза показались мне ещё светлее, значит, твои чувства превращают его во дворец, – сказал он, – подумай, что толку от ве-*

ликоления, если оно вызывает презрение или неприязнь? Богатство в таком случае утрачивает свой блеск, красота – привлекательность, а мощь – силу, только любовь способна какую угодно вещь, даже наискромнейшую, сделать прекрасной...».

Так граф Людовик попал в шалаш Жака. Их свиданию дважды помешали. Вначале послышался охотничий рог Алексея. Граф приказал Жаку привлечь юношу обычным пастушеским кличем и сказать ему, что всадник, которого он ищет, ускакал в Шартр. Тот так и поступил, впервые в своей жизни солгав, но Алексей не поверил ему: *«он всё ещё не сводил с меня своих тёмных угрюмых глаз, ты уверен, что тот рыцарь уехал?, – не веришь?, верю, – сказал он, обогнув меня, подъехал к шалашу, с чего бы мне не верить, – сказал он громче, чем говорил до сих пор, – у Людовика Вандомского, графа Шартрского и Блуаского, нет причин скрываться от своего питомца и наследника, после чего внезапно нагнулся до самой земли и, подняв ременный арапник, лежащий на траве у входа в шалаш, подъехал, держа в руке этот арапник, ко мне, ты прав, – сказал он, мой господин, должно быть, в самом деле спешил, иначе бы заметил потерю, с минуту мы молча смотрели друг другу в глаз, до тех пор мне неизвестно было чувство ненависти, но в ту минуту я его ненавидел, до свидания, Жак, – сказал он, – мы ещё встретимся, и, хлестнув арапником своего эсеребца, поскакал вниз по склону...».*

Второй помехой стала Бланш, убежавшая с деревенской свадьбы к Жаку: «...кого ты ищешь? – спросил я, тебя, – ответила она, – поцелуй меня, я промолчал, и она подошла ближе, уходи, – сказал я, боишься? – засмеялась она, – если у тебя ещё никогда не было девушки, я тебя научу, увидишь: возьмёшь меня один раз, и тебе захочется делать это со мной каждую ночь, уходи – повторил я, она стояла так близко, что я видел, как она побледнела и глаза её потемнели и сузились, кто у тебя в шалаше? – спросила она, никого, – ответил я, врёшь, – и хотела меня ударить, но я помешал ей, схватив за запястье, она рванулась: пусти, – и, когда я разжал пальцы, сказала, быстро дыша: ты ещё будешь на коленях умолять меня, чтобы я тебе отдалась, мне не пришлось в третий раз повторять: уходи, потому что, резко повернувшись, она побежала вниз, к лугам...».

Жак вернулся в шалаш и лёг на подстилку рядом с графом, спросившим: «это была твоя девушка?, у меня нет девушки, – ответил я, – почему? – спросил он, не знаю, – ответил я, – наверное потому, что я никого не люблю, зато тебя любят, – сказал он». И тут возникла ситуация, почти повторяющая историю двухлетней давности, только на этот раз Людовик уже не сокрушался из-за греховности своего любовного выбора. Как когда-то Алексей, пастушок в трансе слушал любовные признания. Слово в слово Жак повторял их потом в исповеди: «ты молод, красив, а взгляд твоих глаз сразу, едва я увидел тебя, сказал мне, что душа твоя тоже

прекрасна и чиста, чувства меня не обманывают, я тебя вижу, касаюсь рукой твоего плеча, трогательно вздрагивающего от моего прикосновения, ты живёшь, двигаешься, существуешь, а если кажешься сотворённым из иной нежели все прочие люди, материш, то потому, наверно, что природа благодаря божественному вдохновению, которым она наделена, единожды только способна из обычных элементов создать столь совершенное существо, после чего, поскольку я молчал, мягко повернул меня к себе и спросил: тебе ещё никто не говорил, что ты прекрасен?, я ответил: так как вы, господин, никто, и сказал правду, потому что не знал своего лица, и, хотя слышал, что в деревне меня всё чаще называют не как прежде, Жаком Найдёньшем, а Жаком Прекрасным, никто до сих пор так, как он, об этом не говорил, он сказал: может быть тебе это неприятно?, нет, что вы, господин, говорите, мне вовсе не неприятно, – ответил я, потому что так оно в самом деле и было...». Как когда-то Алексей, Жак грезил в гипнотическом трансе. Ему виделись мощные ворота и громадные стены Иерусалима, ведь в эти минуты Людовик, говорил ему, как некогда Алексею, о том, что ему самому никогда уже не осуществить благородную и святую задачу освобождения Гроба Господня, ибо: «не с обagrёнными невинною кровью мечами и затаёнными в сердце и в мыслях тёмными и неистовыми страстями, а лишь в броне невинности и с чистым сердцем под этою бронёю можно достичь ворот Иерусалима, которые должны рас-

пахнуться перед теми, кто душою близок покоящемуся в одинокой могиле Христу, тогда, восемь лет назад, на исходе той, самой тягостной в моей жизни ночи, я понял, что противу бездушной слепоты рыцарей, герцогов и королей, только христианские дети в своём милосердии могут спасти город Иерусалим ...».

Как когда-то Алексею, Жаку впору было сказать: «*можете делать со мной, всё, что хотите, господин*». Утром он понял, что рядом никого нет: «*...я лежал на своей подстилке и чувствовал себя более одиноким, чем когда-либо прежде, хотя я всегда просыпался в своём шалаше один, я подумал: всё это мне приснилось, и, подумав так, даже пожелал, чтобы это был только сон, но едва пожелал, в ту же минуту меня обуял страх, я сел на подстилке и вдруг увидел на своей руке этот драгоценный перстень, должно быть, уходя, он надел мне его на палец, когда я спал, поняв всё, я преклонил колена и возблагодарил всемогущего Бога, что это не было сном...*».

А потом угрызения совести стали мучить и самого пока ещё безгрешного Жака. Узнав от Алексея, что граф Людовик утонул в Луаре, разбушевавшейся в весеннем половодии, «*...я спросил: ты был с ним?, да, – ответил он, – весенние реки коварны, и не смог спасти?, не смог, – сказал он, – это произошло очень быстро, так камень идёт на дно, он говорил, а я думал: будь я с ним, я сумел бы его спасти...*». «*Я обязан был пойти с ним и спасти его, но остался в шала-*

ше и теперь ничто не возместит мне эту утрату!» – терзался угрызениями совести пастух, забывая, что Людовик сам не позвал его с собой. Зато потом это сделал сверстник и соперник Жака, ставший Алексеем Вандомским, графом Шартрским и Блуаским, ещё совсем недавно желавший лишь одного: *«чтобы он (Людовик) был рядом и своим телом защитил меня от одиночества, потерянности и страха, делай со мной всё, что хочешь, что б ты ни сделал, мне будет приятно»*. Теперь он сам предлагал Жаку: *«если ты пойдёшь со мной и при мне останешься, я сделаю всё, что ты пожелаешь, буду служить тебе и тебя защищать, буду для тебя всем, чем ты разрешишь мне быть, потому что люблю тебя с первой минуты, с тех пор, как увидел тебя, склонившегося над догоравшим костром, люблю, хотя и не знаю, рождена ли моя любовь только тобой и мной, только нами двумя, или её пробудил из небытия тот, кого уже больше нет, и тут Жак сказал: уходи, ты не пойдёшь со мной?»* – спросил я, нет, – сказал он, я вышел, сел на коня и, во второй уже раз, поскакал вперёд, к влажным пастбищам, лежащим внизу, но если тогда, в ту первую ночь, меня переполняли любовь и ревность, то теперь я чувствовал только отчаянье в сердце да пронзительный холод в пальцах и на губах, потом я остановился на краю луга возле того самого дерева, под которым он бил меня, лежащего на земле своим арапником, а потом в последний раз обнимал, девка та появилась неожиданно, подошла ко мне и сказала: *этот страшный человек опять*

будет нас бить?, раздевайся, – ответил я, – его уже нет, он лежит в тяжёлом гробу и единственное, что может делать, – поспешно гнить, потом, лёжа подо мной, обнажённая, она спросила: он тебя прогнал?, я взял её, ничего не сказав, она смеялась и стонала, я входил в неё, как в широко разлившиеся, жёлтые и вспененные воды Луары, но перед моими открытыми глазами стояло лицо Жака, я растягивал медленно нараставшее наслаждение, чтобы подольше не исчезал этот образ, она смеялась и стонала, вдруг я услышал под собой, но как бы из дальней дали донёсшийся её короткий вскрик, прозвучавший как стон настигаемого смертью зверя, и, услышав этот короткий вскрик, почувствовал себя властелином и повелителем этого тела, мною преобразованного в покорность и стон ...». Его вопрос: – «ты пойдёшь со мной?» – был теперь обращён к Бланш, согласной на всё, на графскую опочивальню, лес или пустыню.

Казалось бы, Алексей мог теперь стать новым человеком, освободиться от мазохистской зависимости от графа, от гомосексуальности (навязанной ему, как это кажется читателям, в ночь резни). Увы, ещё в шалаше Жака он понял: «ты, придавленный тяжёлыми могильными плитами, я не думаю о тебе, но от тебя не освободился».

Близким к полному преображению счёл себя перед своей смертью и сам Людовик. Влюблённый в Жака, он впал в эйфорию и наговорил Алексею много наивных, глуповато-напыщенных, убийственных для них обоих слов, повторённых

юношей на исповеди: «*обогащённый чувством, дотоле ему неведомым, чувством пленительным и новым, чувством, которое из пучины сомнений и горя выносит его на простор безудержной радости...*». Алексей, жизнь которого сразу лишилась смысла, с горечью рассказывал монаху: «*только одно я понял: в его жизни мне нет больше места, я должен вернуться в город, из которого он вынес меня на руках, когда мой родной дом пылал, а руки и губы были окроплены кровью моих родителей, которую он пролил, он говорил, это я помню и никогда не забуду: сейчас всё сошлось на том, чтобы нам расстаться и чтоб моя жизнь перестала быть твоей жизнью, а твоя моей, я спросил: когда мне уйти?, он сказал: ты получишь всё, что причитается человеку, который должен был стать моим наследником, когда мне уйти? – спросил я снова...*».

Если бы даже граф остался живым, он вскоре убедился бы, что и любовь Жака не может изменить ни его сути, ни судьбы. Все трое, Людовик, Алексей и Жак, несвободны в своём поведении; сами того не зная, они запрограммированы и обречены на гибель.

Свобода выбора и «запрограммированность» в сексе и жизни

Проще всего проследить механизмы программирования на Алексее. Подобно Гумберту из романа «Лолита», он – продукт импринтинга. Трагическая ночь резни навсегда запечатлелась в памяти Алексея. Мало того, пережитое оказалось спаянным с его сексуальностью. Страх смерти, крики умирающих, бряцание оружия и появление *«юного, сияющего»* Людовика на фоне зловещего зарева – всё это неразрывно слилось вместе на всю жизнь, *«и я сразу полюбил его, помню короткие вспышки его меча, потом, помню, на мои стиснутые у горла руки брызнули струйки, то была кровь моих родителей»*.

В отличие от животных, импринтинг связан у человека, как правило, не только с пережитыми им сверхсильными эмоциями, но и с особым складом его нервной системы, обусловленным заболеваниями мозга, асфиксией (удушьем), травмами, в том числе родовыми. С Алексеем нечто подобное случилось в младенчестве. Об этом рассказал ему его воспитатель, разыскав юного грека во Франции: *«ты тяжело заболел и бредил в беспамятстве, лекари, все до одного, сомневались, можно ли тебя спасти, я же днём и ночью*

бодрствовал подле тебя, и, когда на третью ночь, не приходя в чувство, ты стал умирать, окостенел, а стопы твои и кисти рук, несмотря на жар, сделались холодными, как лёд, я взял тебя на руки и сказал: ты должен жить, ты должен услышать, что я говорю тебе: ты должен жить, не помню, сколько раз повторял я эти слова, может быть, десять, а может быть, сто, зато помню, что в конце концов ты открыл глаза и посмотрел на меня, держащего тебя на руках, ясным взглядом... ».

Как бы то ни было, сексуальность Алексея была прочно спаянна с чувством полного подчинения сильной личности, мужчине, способному принести своему избраннику боль и унижение, но могущему также дать ему чувство безопасности, утолить тревогу, спасти от одиночества. Любовник был рыцарем зла, поскольку его появление сопровождалось смертью близких и крушением мира, привычного мальчику. Задолго до того, как они стали близки физически, он вполне постиг мятущуюся душу Людовика. Так не мог понять себя и сам крестоносец. Ведь увидев в детстве реальное воплощение религиозного фанатизма, Алексей раз и навсегда понял ложность идеи освобождения Гроба Господня. Сама она была ересью: согласно евангельскому мифу, Христос был положен в пещере завёрнутым в саван. Из склепа он исчез на третий день пасхи, воскреснув и вознесшись на Небо. Кому, как не крестоносцам, около ста лет правившим Иерусалимом, не знать о том, что гроба Господня и в природе-то никогда не

было. Воспринимая лишь тёмную ипостась Людовика и понимая ложность всего, во что тот верил, Алексей, отрицал и само существование Бога, о чём сам недвусмысленно признался монаху на исповеди.

Итак, импринтинг сделал юного грека садомазохистом и гомосексуалом. Его любовь к Людовику ни для кого не была тайной; Алексей ни за какие блага не желал бы отказаться от неё. В этом убедился воспитатель, спасший его когда-то от неминуемой смерти: *«в его голосе была печаль: значит, ты любишь человека, руки которого обгарены кровью твоих родителей, я повторил, не поднимая глаз: не хочу тебя больше видеть, и если ты ещё раз появишься на моём пути, я убью тебя или прикажу убить, хорошо, сказал он, помолчав, – я уйду, и ты меня больше не увидишь, но прежде чем уйти одно хочу тебе сказать: я проклинаю, Алексей Мелисен, ту минуту, когда тебе, умирающему, крикнул: ты должен жить...»*.

Когда, повстречав Жака, Людовик прогнал Алексея, всё для него пошло прахом; с горечью он подумал: *«Жака, о котором он ничего не знал, он смог полюбить, меня же, о котором он знал всё, полюбить не смог, хотя и говорил вначале, что любит, а теперь, так и не полюбив, думает, что может жить без меня...»*. Но ещё до того мгновенья, *«как его сжатый кулак в последний раз мелькнул среди жёлтых и вспененных вод Луары»*, Алексей попытался сам освободиться от своей зависимости. Увы, осуществить это намере-

ние было не под силу даже ему, с его сильной волей, физической неутомимостью и способностью ясно мыслить, ему, не остановившемуся перед убийством. Ведь смерть любовника лежит на его совести: *«я мог спасти его, я знаю, что мог его спасти, среди своих ровесников я плаваю лучше всех и мог его спасти, потому что жёлтые, стремительно несущиеся вперёд волны не в одну секунду его поглотили, он тонул неподалёку от берега и долго противился смерти, прежде чем исчез, наконец, в пучине жёлтых вспененных вод, конечно он не хотел умирать, а когда почувствовал, что теряет силы и идёт на дно, конечно же в заливаемых водой глазах у него стоял образ Жака, и с этим видением он шёл на дно, в холод и шум смертоносных вод, я мог его спасти, но не двинулся с места, я думал: теперь я буду свободен, так пусть же это свершится, ведь если его не станет, я буду свободен, я буду избавлен от власти его тела и вожделения плоти, однако, когда это произошло и передо мной были уже только разлившиеся, жёлтые и вспененные воды Луары, я не почувствовал облегчения, сожаления, правда, я тоже не чувствовал, внутри меня всё оледенело, холод закрался в сердце, холодом сковало пальцы и губы...»*.

Этот холод уже однажды в детстве сковывал Алексея, но отступил, а сейчас, хотя юноша и стремился всеми силами выжить, его возвращение означало близость смерти, сначала душевной, а потом и физической.

Освобождаясь от заложенной в него программы, он пы-

тается вытеснить любовника из своей души, из собственной жизни, из жизни окружающих, заменив покойного самим собой; именно этим объясняется внезапно вспыхнувшее чувство к Жаку, которое Алексей называет любовью. Но не любовь движет им; к тому же влечение, которое он испытывает к Бланш, трудно назвать гетеросексуальным: на её месте он представляет себе Жака, *«хрупкого невысокого юношу в полотняной тунике с открытыми ногами и шеей, светло-каштановыми волосами, отливающими золотом ресницами, такими длинными, что их тень падала на его щеки»*. Слыша стоны и крики Бланш, порождённые женским переживанием оргазма, он мысленно приписывает их Жаку, представляя себя его любовником, повелителем и господином. И хотя сам он не отдаёт себе в этом отчёта, не любовь, а ненависть питает Алексей к избраннику Людовика. Он легко погубил бы Жака, если бы тот пошёл с ним в графский дворец. Его отказ лишь отдалял время смерти пастушка и умножал её цену: он вынуждал Алексея отказаться от владения графством и предопределил неотвратимость его собственной гибели. Примкнув к шествию детей и понимая его обречённость, Алексей делает всё, чтобы даже ценой собственной жизни привести к смерти Жака. Именно такой исход предстал в провидческом видении исповедника: ему привиделись двое детей, один со светлой, а другой с тёмной шевелюрой, бредущих по безжизненной пустыне. Светлый был слеп. Черноволосый остался лежать на песке, он послал сво-

его спутника к якобы виднеющимся вратам Иерусалима, которых на самом деле не было и в помине. Вместо них впереди была смерть.

Так воля покойного Людовика, слившаяся с волей Алексея, стала вдвойне смертоносной.

При жизни крестоносец, полагая, что любит окружающих, приносил им лишь гибель. Между тем, он не вызывает ненависти ни у своего окружения, ни у читателей. Он – убийца и насильник; но его страстное стремление к недостижимому идеалу и нравственные муки, порождённые сознанием собственной порочности, глубоко трогают окружающих. Жак, например, с первого же взгляда на незнакомого рыцаря понял, что тот много страдает.

Как ни странно, здесь можно обнаружить сходство «Врат рая» с «Солярисом», как с романом, так и с фильмом. Но очевидна и пропасть между ними: если, по Тарковскому, процесс преодоления человеческих слабостей и садомазохизма, лежит в основе прогресса человечества в целом, хотя и не приносит победы и счастья каждому в отдельности, то, по Анджеевскому, невозможно и это. Благородная в глазах средневековых христиан, но в действительности ложная цель – освобождение Гроба Господня, породила реки крови и горы трупов, разорение городов, гибель культурных ценностей.

Крестовые походы детей не были исключением. В 1212 году они стихийно и практически одновременно возникли во

Франции (его вдохновителем был 12-летний пастушок Этьен из деревни Клуа, прототип Жака) и в Германии (во главе с 10-летним Никласом). Оба мальчика, объявив себя избранниками Бога, собрали многотысячные толпы последователей (Этьен, например, вёл за собой более 30 тысяч). Разумеется, дети шли в сопровождении взрослых – фанатиков, мошенников, бродяг, убийц. По дороге они грабили и убивали беззащитных людей, начав со своих соотечественников-евреев. Многие паломники сами были убиты крестьянами и горожанами, охранявшими своё добро; многие умерли от голода и болезней. Средиземное море должно было расступиться, пропустив шествие к Иерусалиму, но, вопреки обещаниям идейных вдохновителей похода, этого не произошло. Дети были обмануты работорговцами, владельцами кораблей; их заманили на суда и продали на арабских невольничьих рынках. (Сведения об этом можно найти, в частности, в книге Михаила Заборова «Крестonosцы на Востоке»).

«Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой» для современного читателя приобрели особый смысл. На ум приходят идеи более близкие нам, гораздо более справедливые и честные, чем завоевание Гроба Господня. Такова в нашей отечественной истории социальная подоплёка Октябрьской революции с последовавшим за ней ужасным террором, творимом всеми участниками конфликта. Кто усомнится в благородстве помыслов бескорыстного польского рыцаря Феликса Дзержинского, не щадившего себя ради торже-

ства социальной справедливости и отправившего на тот свет сотни тысяч людей?! Герои гражданской войны, рыцари революции, поэты и правдолюбцы, жертвовавшие собой ради светлой идеи, становились убийцами.

Похоже, прогресс человечества связан с чередой целей, которые поначалу представляются святыми; реализуясь, они вызывают всплеск варварства и гибель множества людей, а, став достоянием истории, оказываются порой весьма сомнительными или попросту ложными. Переломные моменты в развитии общества принимают характер социальных катаклизмов и сопровождаются эпидемиями садизма. История человечества полна примерами высочайшего благородства и неслыханной жестокости, вызванной к жизни как алчностью, властолюбием и садизмом, так и самыми справедливыми и светлыми идеями.

Средневековый армянский поэт Наапет Кучак написал однажды стихи, которые я приведу в подстрочном переводе (очень уж многое теряется в известных мне стихотворных переложениях этого айрена):

*Господи, в каждый час и в каждую минуту
спаси меня от людского зла.*

*Людское зло – это так страшно,
что и зверь от него бежит.*

*Лев, царь зверей,
закован в цепи,*

*орёл, страшась человека,
парит в поднебесье.*

Люди, а не животные изобрели мучительную смерть от усаживания на кол, от сдирания кожи с живого человека, от зашивания во вспоротый живот жертвы голодных крыс... Этот список можно продолжать бесконечно. Увы, с развитием возможностей человечества возрастают масштабы его злодеяний. Войны становятся кровопролитнее, множатся людские потери. Вооружённый террорист безмерно рад тому, что способен отправить в небытие сотни и даже тысячи незнакомых ему людей, не сделавших ему ничего дурного. Не задумываясь, жертвует он своей жизнью, убивая как можно больше неверных... А их программисты-вдохновители предпочитают посылать на подвиги во имя Аллаха женщин и девушек, казалось бы, самой природой созданных для милосердия и любви.

Благородный мечтатель Людовик (кстати, реальный персонаж истории, участник четвёртого крестового похода) превратил безгрешного Жака в фигуру более губительную, чем Крысолов, который увёл в никуда детей из Гамельна. Этот символ вдвойне выразителен: пастух, увлекающий доверившихся ему людей на гибель.

Жак – тоже жертва садомазохизма, хотя его чувства так похожи на настоящую любовь. Как же отличить любовь от

бесчисленных подделок под неё, о которых предупреждает в своей максиме французский мыслитель Ларошфуко?

Формула любви

Все любят и боготворят Жака (или, по крайней мере, думают, что любят его), по-разному объясняя своё чувство. Мод, девушка из Клуа, первая поверившая в богоизбранность пастушка, говорит на исповеди: *«я люблю его улыбку, которая не улыбка даже, а как бы робкое её обещание, его улыбка открывает передо мной Царство Небесное, всем собой он открывает Царство Небесное, я всегда могла молиться ему, как небесам, я верю, что Жак приведёт нас в Иерусалим»*. В день мессианского прозрения она увидела его таким: *«он был бледен той чистой и вдохновенной бледностью, которая кажется отражением особого внутреннего света, побледневший, он сходил с холма, который возвышался над пастбищем на краю леса, потом она увидела его среди пастухов, онемевших от изумления, столь странным было появление его среди них, тогда он впервые сказал: Господь всемогущий возвестил мне противу бездушной слепоты рыцарей...»*. Поэтическая природа Жака, позднее породившая его религиозный экстаз, и его особая одухотворённая красота сделали его избранником графа; пастух рассказывает: *«...мы лежали рядом на моей жёсткой подстилке, помню, он говорил: когда я ехал один в лесу, мне было чертовски грустно, мир казался мне огромной скуделью нужды и страданий, человек – заблудшей тварью, жизнь – лишённой*

надежд, но едва я увидел тебя, стоящего у костра, тотчас же мрак, объемлющий мир, сделался не таким беспроечным, участь человека – не столь безнадежной, жизнь – ещё не растерявшей остатки тепла, подумай, какими богатствами ты владеешь, если одним своим существованием способен воскрешать надежду, я чувствовал, как под незакрытыми веками у меня закипают слёзы, мне было хорошо, как ещё никогда в жизни, ты не знаешь меня, господин, сказал я». В ответ Людовик разразился собственным объяснением природы любви, чем-то перекликающимся с «Пиром» Платона и, по-видимому, в чём-то близком самому Анджеевскому: «если человек только непостижимая тайна, другому человеку трудно его полюбить, но если в нём нет ничего потаённого, полюбить его невозможно, ибо любовь – поиск и узнавание, влечение и неуверенность, торопливость и ожидание, всегда ожидание, даже если ждать не в состоянии, любовь это особое и неповторимое состояние, когда желания и страсти жаждут удовлетворения, но не хотят переступить той последней черты, за которым оно будет полным, ибо любовь, по природе своей будучи неистовой потребностью удовлетворения желаний, с удовлетворением себя не отождествляет, любовь не удовлетворение и не способна им стать, зная тебя, я бы не мог устремить к тебе свои желанья, так как для них только неведомое вместилище пригодно, однако, если бы я ничего о тебе не знал и ни о чём не мог догадаться, я бы тоже отпрянул от тебя, слов-

но от предательского ущелья в горах или стремительного речного водоворота, любовь – зов и поиск, она хочет подчинить себе всё, но всякое удовлетворение желаний её убивает, она вечно томима жаждой, но всякое удовлетворение желаний умерщвляет её, любовь – отчаянье среди несовместимых стихий, но вместе с тем и надежда, неугасимая надежда среди несовместимых стихий...».

Людовик во многом прав, но за его рассуждениями скрывается невротический страх перед любовью, страх садомазохиста, неспособного любить и боящегося очередного крушения надежд. Его поэтический панегирик Жаку можно перевести на язык нейрофизиологии и эволюционной биологии; правда, прежде всего, он должен быть дополнен определением главных атрибутов любви.

Эта тема обсуждается практически во всех моих книгах («Об интимном вслух»; «Глазами сексолога. (Философия, мистика и «техника секса»)»; «На исповеди у сексолога»; «Секреты интимной жизни. Знание. Здоровье. Мастерство»; «Тайны и странности «голубого» мира»).

Предки человека относились к полигамным животным; в их стае на одного самца приходится несколько самок. Самцы таких видов отличаются агрессивностью и половым поисковым поведением – стремлением вступать в половые связи со всеми самками стаи. Подобное поведение вызывается мужскими половыми гормонами, андрогенами. Если кастрировать взрослого самца, то, сохраняя способность к спари-

ванию, он теряет половой поисковый инстинкт и агрессивность, становясь мирным и спокойным животным. Именно с этой целью человек холостит (кастрирует) жеребцов и быков, превращая их в рабочую скотину – мерин и волов. В естественных условиях животные-гипогениталы обречены на гибель, и, понятно, не способны иметь потомков.

Чтобы выжить самому и оставить после себя потомство, самцы должны быть агрессивными и похотливыми. Доминирующий (главенствующий) самец терроризирует тех самцов, что слабее его, не давая им спариваться с самками. Очевидно, что такое поведение носит приспособительный характер. Ведь агрессивность и половой поисковый инстинкт позволяют наиболее приспособленному самцу оставить после себя более многочисленное потомство, а это определяет качество популяции и, отчасти, влияет на её численность. (Количество животных в большей мере контролируется самками, ведь именно от их числа зависит численность потомства). Если в ходе мутации самец приобретает какое-то ценное преимущество перед другими самцами, то, став более приспособленным к условиям существования, он с помощью полового поискового поведения и агрессивности способен стать прародителем нового вида.

Наши далёкие предки, судя по их найденным окаменевшим останкам, насчитывающим почтенный возраст в 8 миллионов лет, обладали чертами, общими для человека и для нынешних обезьян. Речь идёт и о строении их челюстей, и

черепа, и об особенностях строения их скелета в целом. (Об этом можно прочитать, например, в книгах Дональда Джохансона и Мейтленда Иди «Люси. Истоки рода человеческого» и Натана Эйдельмана «Ищу предка»).

Именно в то далёкое время и произошло первое в истории разделение приматов. Часть из них осталась в лесах, продолжая жить на деревьях. Они стали предками нынешних обезьян. Часть же популяции высших приматов (это точнее, чем называть их просто обезьянами) оказалась вне привычных для них условий обитания, не в тропическом лесу, а в африканской саванне, в поймах рек и на берегах озёр (Ян Линдبلاد «Человек – ты, я и первозданный»). Приматы (от латинского слова, означающего «первые») – название высших млекопитающих, объединяющее человека и человекообразных обезьян.

Скелеты и черепа приматов, обитавших в саванне спустя ещё четыре миллиона лет, свидетельствуют о том, что наши предки научились к этому времени ходить на двух ногах, пользоваться камнями и крупными костями животных при добыче пищи и при защите от хищников. Они не были ещё людьми. Учёные присвоили им имя австралопитеков («южные обезьяны»). Разумеется, прямохождение и прочие приспособительные механизмы были приобретены нашими предками в результате случайных мутаций и естественного отбора, а не в ходе их работы над собой во исполнение их собственных прогрессивных замыслов.

Шли тысячелетия. Естественный отбор продолжал отбраковывать виды животных, рвущихся в люди. Этих видов было много. Останки приматов находят не только в Африке, за пределы которой они к тому времени вышли, но и в нынешних Европе и Азии. Это были виды, представлявшие собой уже не обезьян, а обезьянолюдей (именно так переводится на русский язык термин «питекантроп» – «обезьяночеловек»).

В основе наших знаний о происхождении человека лежат не только археологические находки, но и наблюдения учёных за бытом первобытных племён обитающих в наше время. Правда, современным людям, даже если они ещё не вышли из каменного века в силу своей изоляции, живётся неизмеримо легче, чем их пращурам. В саванне и по берегам водоёмов наши предки были беззащитны перед многочисленными врагами. Очевидную опасность представляли не только быстрые и сильные хищники из семейства кошачьих (львы и саблезубые тигры). В гораздо большем количестве, чем в пастбищах, наши предки гибли под ударами, нанесенными им их же «родственниками», высшими приматами. «Кандидаты в люди» были самыми опасными врагами друг для друга, поскольку были умны и вооружены крупными трубчатыми костями, дубинками и камнями. Перед нашими предками стояла сложная задача выживания.

В ходе жестокого естественного отбора, продолжавшегося много миллионов лет, природа экспериментировала над приматами. Одни из них в ходе эволюции стали крупнее и

сильнее своих родственников из ближайших видов. Казалось бы, уж они-то могут дать отпор любому врагу. Недаром учёные, обнаружившие их останки, назвали их гигантопитеками («гигантскими обезьянами»). Это была, однако, тупиковая ветвь эволюции, истреблённая более смышлёнными и коварными обезьянолюдьми.

Самым выгодным направлением в приспособлении приматов было их «поумнение». Но для того, чтобы выжить и стать доминирующим видом, этого было мало. Творческой лаборатории природы надо было решить, казалось бы, неразрешимую задачу: создать вид, который не просто был бы умнее своих ближайших родственников-приматов, но превосходил бы их способностью обуздывать собственные агрессивные инстинкты, направленные на соплеменников, а также умением подчинять свои интересы интересам стаи ради совместного выживания.

Подобной эволюции наших предков мешал характер их сексуальности, унаследованный ими от животных предков. Ведь, как и в стаде животных, мужские половые гормоны делали их агрессивными и склонными к половому поисковому поведению. Самый сильный самец стада (увы, он всё ещё был самцом, наш далёкий пращур!) терроризировал остальных прамужчин, не давая им спариваться с самками. Из-за этих распрей стая не могла быть достаточно крупной, чтобы дать отпор врагам.

Главное препятствие, стоящее на пути наших предков

в люди, – сочетание агрессивности с поисковым инстинктом, обусловленное действием андрогенов, удалось преодолеть приобретением нового для высших приматов качества – мужской избирательности. Это стало возможным, когда в ходе эволюции половое влечение необычайно усилилось. Именно на этой ступени развития наши предки получили способность к максимальному подкреплению полового инстинкта чувством удовольствия, что привело к возникновению оргазма, неизвестному ни одному виду животных. Эйфория, сопровождающая оргазм, тем полнее и острее, чем мощнее избирательное половое влечение.

Став доминантным, влечение к одной-единственной избраннице лишало мужчину интереса ко всем остальным представительницам женского пола. Потребность же служить интересам собственной избранницы является альтруистической мотивацией (альтруизм – качество, противоположное эгоизму); любовь подавляет стремление к удовлетворению эгоистических инстинктов. Любовь, следовательно, – сочетание избирательного влечения и альтруистической мотивации. При этом удовольствие и душевный подъём, связанный с влюблённостью, усиливаются при совершении альтруистических поступков, дарящих радость любимому человеку. Эти два качества: альтруизм и избирательность – главные атрибуты любви, те признаки, которые позволяют отличить настоящую любовь от тысячи подделок под неё. Любящий не может нанести ущерб любимому человеку, а, тем бо-

лее, убить его. Чувство Хозе к Кармен можно назвать сексуальным влечением, страстным наваждением, чем угодно, но только не любовью.

С появлением способности к мужской избирательности появилась возможность сплочения первобытной стаи, её превращения в племя.

Неандерталец – подвид того самого «Человека разумного», к которому относимся и мы, современные люди. Появившись на земле около 400 – 500 тысяч лет тому назад, он достиг полного владычества среди остальных животных. Выйдя из Африки, он заселил Европу и Азию. Тогда был ледниковый период. Неандерталец научился строить жилища и шить одежду. Он искусно охотился на крупных животных, положив начало их истреблению. Он же впервые приручил и одомашнил их. Неандертальцы порой обеспечивали защиту покалеченных и ослабленных соплеменников, о чём свидетельствуют обнаруженные останки людей, долго ещё живших после полученного ими увечья. Имея мозг такого же объёма, что и современный человек, неандерталец владел речью, обладал зачатками религиозных представлений, хоронил покойников. Словом, он был достаточно умён. Внешне это был коренастый мощный субъект с низким лбом и крупными надбровными валиками. Встретив такого в современном транспорте, любой принял бы его за человека, хотя и не вполне нормального.

Умел ли неандерталец любить? Вряд ли. Любовь «изоб-

рёл» кроманьонец.

Кроманьонец появился в Африке 40 тысяч лет тому назад. Биологически это был уже полностью современный человек. У него был иной, чем у неандертальца, мозг, округлый, с большими лобными долями. От своего собрата он отличался тем, что изобрёл искусство, расписывая стены пещер сценами охоты и изображениями животных, вырезая фигурки из кости, высекая из камня скульптуры, украшая одежду бусинками. Главное же в том, что он превосходил неандертальца своей способностью к альтруизму и коллективизму. Кроманьонцы оберегали стариков, сделав их хранителями мудрости, они обожествили альтруистические принципы поведения, получая мощный гедонистический (основанный на чувстве удовольствия) стимул от их реализации. Они же положили начало культам, связанным с сексуальной магией, которые способствовали возникновению искусства секса; они обожествляли любовь. Неандерталец, будучи не глупее кроманьонца, уступал ему во всём этом, как современный психопат уступает нормальному человеку. Это и позволило кроманьонцу за несколько десятков тысяч лет победить своего конкурента (частично ассимилировав его, а частично съев). Он заселил все обитаемые континенты, в том числе и Америку (перейдя в Новый Свет по суше, исчезнувшей 10 – 12 тысяч лет назад). Став на Земле доминирующим видом, он создал цивилизацию и вышел в космос.

Таким образом, в конкурентной борьбе двух подвидов че-

ловека разумного (Homo sapiens) победу одержал тот, кто в большей мере был наделён способностью к альтруистическому поведению по отношению к «своим» (будь то взаимопомощь или любовь, что в одинаковой мере шло на пользу всему племени). Но, констатируя этот факт, мы менее всего можем сделать ликующий вывод о полной победе любви и альтруизма на земле.

Альтруизм вовсе не покончил с человеческой агрессивностью, а способность любить часто не реализуется, порой вопреки страстному желанию индивида.

Альтруизм может подменяться мазохистским подчинением партнёру-садисту; садистское унижение и подчинение партнёра стимулирует извращённую сексуальность, приобретая при этом черты аддиктивности, навязчивости, сродни наркотической.

Садистские намерения часто принимают маску альтруизма. Обольщая Жака, Алексей утверждает: *«Я никогда не перестану тебя любить, ибо если я существую, то лишь затем, чтобы, нелюбимый сам, всей душою и плотью своей утверждать потребность в любви, буду для тебя всем, чем ты разрешишь мне быть, буду далёк от тебя, если ты потребуешь, и близок, если позволишь, буду беречь твой сон и разделять любые печали, потому что люблю тебя и твоё присутствие мне нужно, как воздух»*. Жак в тот момент не поверил ему, и был прав. Подлинные мысли Алексея совсем иные: *«любовь это только клубок недостижимых желаний,*

любовь приносит только страдания, а вот тёмное наслаждение, рождается и живёт среди ненависти и презрения».

Людовик признаётся Жаку: *«Я совершил множество тяжких проступков, не знаю, в слепой ли вере не замечая вокруг себя зла или оттого, что зло сидело во мне, а я своею верою хотел его усыпить, как бы то ни было, жертвою ли зла я стал или творил зло потому, что этого требовало моё естество, в том пространстве времени, что уже у меня за спиной, мои поступки навеки останутся моими поступками, и ни первоначального их образа, ни различных превращений в дальнейшем не в состоянии изменить ни моя добрая, ни моя злая воля».* Страстное покаяние Людовика не может освободить его от зла; неспособность любить служит безошибочным индикатором этой беды. Внезапная и быстрая смерть позволила бедняге сохранять иллюзии до конца его жизни; он надеялся, что любовь к Жаку, казавшемуся ему земным ангелом, окажется подлинной любовью и освободит его, наконец, от зла. Анджеевский убеждён в противном. Реализовав свою страсть с новым избранником, Людовик почувствовал бы те же разочарование и раскаянье, которые прежде уже испытал с Алексеем.

В отличие от Людовика и Алексея, Жак не был садомазохистом; что же касается его сексуальной ориентации, то, по-видимому, она изначально была направлена на собственный пол. Гомосексуальное влечение к графу он почувствовал, едва увидев его, ещё до беседы с ним. Его чувства к Лю-

довику избирательны и альтруистичны. Беда, однако, в том, что он подпал под гипноз опасного обаяния садиста, и, видя лишь светлую сторону своего избранника, счёл себя наследником религиозных устремлений рыцаря. Жак рассказывает: *«Жизнь моя началась лишь недавно, после того как однажды бессонной ночью я услышал во тьме голос, говоривший: покинь свой шалаш, Жак, пойдёшь к детям, где бы ты их не нашёл, в малом или большом числе, скажи им: Господь всемогущий избрал вас, и в этом голосе я узнал голос человека, который первый и единственный поведал мне о печальной участи города Иерусалима и об одиночестве Гроба Господня, после чего я, прежде живший как слепой и глухой, благодаря этому человеку прозрел и обрёл слух»*. Любовь к Людовику определила судьбу Жака, но она должна была пройти суровое испытание на подлинность: альтруистично ли чувство юноши, способно ли оно остаться светлым и человеческим или может обернуться соучастием в убийстве?

Наследие графа претерпело любопытное расщепление: Жак наследовал светлую, а Алексей – тёмную сторону Людовика. Оказалось, что воля покойного победила его смерть и обрекла на гибель тысячи людей. Первым смертоносную силу союза двух подростков почувствовал на себе старик-исповедник. Убедившись в том, что крестовый поход порождён парафилией (половым извращением) и злой волей покойника, старик раскинул в стороны руки и, повернувшись лицом к толпе, *«вскричал зычным голосом: дети мои, мои милые де-*

ти, поверните, пока не поздно, назад и возвращайтесь домой, именем всемогущего Бога и Господа нашего Иисуса Христа запрещаю вам следовать за тем, кого я ни благословить не могу, ни простить!» Тут Алексей и Жак переглянулись, и, взявшись за руки, пошли впереди толпы, а чтобы заглушить голос старика, стали петь гимн Деве Марии, сразу же подхваченный фанатичной толпой. Старика повалили на землю и затоптали насмерть; *«босые и грязные, землёй и потом пахнущие детские ноги входили в его живот, в его грудь и плечи, погружались в него, как во влажную землю, всё глубже и глубже втаптывая его во влажную землю»*. Так поэт и альтруист, дотоле безгрешный Жак стал убийцей. Подпав под обаяние садиста, он навсегда утратил способность любить.

Глава II. Сексуальные фантазии Урсулы Ле Гуин

*Сними ладонь с моей груди,
Мы провода под током.*

Борис Пастернак

*Другому как понять тебя?
Фёдор Тютчев*

Оборотни с планеты Зима

При всей неповторимости и кажущейся суперсовременности их фантазий, писатели-фантасты нередко пересказывают мифы и сказки, пришедшие из глубины тысячелетий. И тогда то, что волновало людей в древности, будоражит воображение наших современников. Автор может приоткрыть завесу над потаёнными желаниями и опасениями, свойственными человечеству в целом, начиная с древнейших времён и кончая нынешними днями.

В романе Урсулы Ле Гуин «Левая рука тьмы» события происходят на планете Гетен, прозванной землянами Зимой: очень уж суровым был её климат. Он-то и стал причиной формирования у аборигенов особого типа сексуальности. Компенсируя высокую смертность новорождённых, эволюция позаботилась о возникновении у гетенианцев таких мощных всплесков сексуальной активности и плодовитости, на которые не способны уроженцы Земли. Потому-то для обитателей планеты стали типичными сценки, подобные этой: *«Рядом с домом, среди размокиших клумб, луж, покрытых ломкими ледяными корочками, и быстрых, нежноголовых весенних ручьёв, прямо на покрытой первой зеленью лужайке стояли и нежно беседовали двое юных влюблённых. Их правые руки были судорожно сцеплены – одна в другой. Первая фаза кеммера. Вокруг них плясали крупные снежин-*

ки, а они стояли себе босиком в ледяной грязи, держась за руки и ничего не замечая вокруг, кроме друг друга. Весна пришла на планету Зима».

Главной особенностью половой системы жителей Гетена, впрочем, были не циклические подъёмы сексуальности. Чудо заключалось в её полной периодической переориентации: гетенианцы превращались в периоде кеммера то в мужчин, то в женщин. В промежутках между таким сексуальным репродуктивным переоплодотворением они, по словам Урсулы Ле Гуин, оставались андрогинами («андрогины» – «мужеженщины», от греческих слов «андрос» – мужчина и «гине» – женщина). На взгляд сексолога, это утверждение автора не совсем точно. Большую часть своего полового цикла гетенианцы, скорее, были бесполовыми гипогениталами, то есть люди с гормональной недостаточностью.

«Из полевых записей исследователей межпланетной экспедиции, высадившейся на планету Гетен (Зима).

Сексуальный цикл гетенианцев колеблется от 26 до 28 дней. В течение первых 21-23 дней индивид входит в состояние кеммера – период наибольшей сексуальной активности. В первой его фазе он по-прежнему андрогинен. Половые признаки и потенция у него не появятся, если он окажется в изоляции. Таким образом, гетенианец в первой фазе кеммера к половому акту не способен. Однако сексуальная активность уже в этой фазе весьма сильна, она оказывает в этот момент решающее влияние не только на личность

данного индивида, но и на его социальную и духовную жизнь и деятельность. Когда индивид обретает партнёра по кеммеру, его гормональный статус получает дополнительный стимул (по всей вероятности, за счёт прикосновения, при котором возникает не выясненная пока секреторная деятельность, а может быть, и появляется особый запах), и в итоге один из партнёров приобретает гормонально-половой статус, мужской или женский. Половые органы при этом претерпевают соответствующие внешние изменения, усиливаются эротические ласки, и второй партнёр, подстёгнутый переменой, происшедшей с первым, обретает все признаки противоположного пола. Исключений практически не бывает. Если же и возможно проявление у обоих партнёров одних и тех же половых признаков, то эти случаи настолько редки, что их можно и не учитывать. Если у первого из партнёров кеммер успел достигнуть своего полного развития, то второй проходит первую фазу значительно быстрее; если же оба вступают в состояние кеммера одновременно, то развитие фаз происходит медленнее. Нормальные индивиды не имеют предварительной предрасположенности к мужской или женской роли; то есть они даже не знают, кем будут в данном конкретном случае – женщиной или мужчиной, и не способны выбирать. Когда половая определённость достигнута, она не подлежит изменению до полного окончания кеммера. Кульминационная фаза продолжается от двух до пяти дней, во время которых половое влечение и по-

тенция достигают своего максимума. Эта фаза завершается почти внезапно, и, если зачатия не произошло, индивиды в течение нескольких часов возвращаются в бесполое состояние.

Если же у индивида, выступившего в женской роли, наступает беременность гормональная активность организма, естественно, продолжается, и в течение 8,4 месяца беременности, а также всего периода кормления грудью (6-8 месяцев), молочные железы максимально развиты; бёдра становятся шире. С прекращением лактации индивид постепенно возвращается в бесполое состояние до следующего цикла. Не прослеживается никакого физиологического привыкания к роли, так что мать, родившая нескольких детей, может с тем же успехом стать отцом ещё нескольких».

Подобные метаморфозы показались первым контактёрам с цивилизацией Гетена поначалу удручающими. «Что значит друг в этом мире, – размышляет землянин Дженли Ай, посланник на планету Зима, – где любой друг может стать твоей возлюбленной с новым приходом луны? Навсегда запертый в рамках своей мужественности, я не мог бы стать другом никого из этой расы, то ли мужчин, то ли женщин. Ни тех, ни других, но тех и других одновременно, подчинённых странным циклическим изменениям, зависящим от фаз луны, меняющих свой пол при прикосновении ладоней. Оборотни уже с колыбели. Не может быть между нами ни дружбы, ни любви».

Гетенианцы, в свою очередь, не жалуют землянина. Король Арговен говорит: *«Я не знаю, что за чертовщина сидит в вас, господин Ай: то ли вы сексуальный извращенец, то ли искусственно созданное чудовище, то ли действительно пришелец из великой пустоты космоса»*. От этого безумного беременного короля и зависит судьба героев романа – Дженли и его спасителя гетенианца Эстравена, чьё полное имя звучит роскошно: Терем Харт рем ир Эстравен, лорд Эстре.

Эстравен, который с риском для жизни ценой нечеловеческих усилий и жертв спас Дженли, выкрыв его из концентрационного лагеря одного из государств планеты, относится к землянину с заботливой материнской нежностью. Верзила-негр, которому он едва по грудь, кажется гетенианцу *«хрупким, незащищённым, открытым, уязвимым; даже половые органы его всегда находятся снаружи, он не может втянуть их в брюшную полость, спрятать. Его имя – крик боли»*.

Так что размышления землянина об оборотнях были с его стороны верхом неблагодарности. И, ночуя в одной палатке с инопланетянином, с которым они вместе бегут, пересекая вечный ледник, из тоталитарного государства Оргорейн, Дженли, в конце концов, отказался от прежних предубеждений ради дружбы со своим спасителем. Мало того, их взаимное влечение переросло в любовь.

Превратности майората, или «Ромео и Джульетта» в «голубых» тонах

В Европе был когда-то обычай майората. Чтобы не дробить феодальное владение, оно целиком наследовалось старшим сыном властителя. Младшие братья получали дворянский титул, указывающий на их происхождение, но право на владение родовым гнездом переходило к ним только после смерти прямого наследника.

На планете Гетен система майората приобрела особую сложность. Ведь властелин феодального поместья («очага») мог быть не только отцом, но и матерью своего потомства. «Родными по крови» считались лишь те из его сыновей, которых он сам родил и выкормил грудью. Например, все дети князей Эстре носили родовое имя Эстрарен (то есть «выходца из очага Эстре»), но прямым наследником мог быть лишь старший из «родных» сыновей. Порой такая система майората давала сбои, что ставило властелина и его подданных в щекотливое, а иногда и в опасное положение.

Ле Гуин создала подлинный шедевр, рассказав о соперничестве за право наследовать очаг Эстре. Эта история случилась с далёким предком героя «Левой руки тьмы» Терема Эстрарена.

«Давным-давно между княжеством Сток и княжеством Эстре земли Керм шла тяжкая распря. Налёты и грабежи

с обеих сторон продолжались в течение трёх поколений, и конца этому спору не предвиделось, ибо спор был связан с земельными владениями. Хорошей пахотной земли в Керме мало, и слава любого княжества – в протяжённости его границ, а правят там люди гордые, вспыльчивые, отбрасывающие чёрные тени.

Случилось так, что родной сын и наследник лорда Эстре во время охоты бежал на лыжах по Ледяному озеру в первый месяц весны, попал в трещину и провалился под лёд. Однако, положив поперек полыньи одну лыжу, он всё-таки выбрался из воды. И оказался в не менее ужасном положении: он промок насквозь, а было очень холодно, к тому же близилась ночь. Юноша не чувствовал в себе сил, чтобы добраться до дому, – до Очага было не менее десяти километров вверх по склону холма, – а потому направился к деревне Эбос на северном берегу озера. Когда наступила ночь, всё затянуло туманом, спустившимся с ледника, и над озером спустилась такая мгла, что он ничего не видел перед собой, не видел даже, куда ставит лыжи. Он шёл медленно, опасаясь снова провалиться, холод пробирал его до костей. Он понимал, что скоро не сможет двигаться. Наконец сквозь туман и ночь он разглядел впереди огонёк. Он снял лыжи, потому что берег озера здесь был неровным, каменистым и местами совсем лишённым снега. Едва держась на ногах, из последних сил устремился он к этому огоньку, находившемуся явно в стороне от Эбоса. Оказалось, что это све-

тится окно одинокого домика, со всех сторон окружённого густыми деревьями тор, единственными, что могут расти на земле Керм. Деревья тесно обступили домик, и, хотя они были невысоки, он буквально тонул в их ветвях. Юноша застучал в дверь и громко позвал на помощь; кто-то впустил его в дом и подвёл к огню, пылающему в очаге.

В доме оказался только один человек. Он раздел Эстравена, одежда которого задубела на морозе, словно превратясь в железный панцирь; потом завернул его голого в меховые одеяла и, согревая собственным телом, изгнал ледяной холод из заледеневших членов. Потом напоил горячим пивом, и юноша в конце концов пришёл в себя и взгляделся в своего спасителя.

Человек этот был ему незнаком; они были примерно ровесниками и смотрели друг на друга. Оба были красивы, стройны, хорошо сложены, смуглы, с тонкими чертами лица. Эстравен заметил в чертах незнакомца пламя кеммера. И сказал:

– Я Арек из Эстре.

– А я Терем из Стока, – откликнулся тот.

При этих словах Эстравен рассмеялся, потому что был ещё слишком слаб, и сказал:

– Значит, ты отогрел меня и спас от смерти, чтобы потом убить, Стоквен?

– Нет, – ответил тот, протянул руку и дотронулся до Эстравена, чтобы убедиться, что холод совсем покинул те-

ло юноши. И тут Эстравену, хотя ему оставалось ещё день или два до наступления кеммера, показалось, что в душе его разгорается огонь. И оба они застыли, едва касаясь друг друга руками. – Смотри, они совсем одинаковые, – сказал Стоквен и положил свою ладонь на ладонь Эстравена, и ладони действительно почти совпали: одинаковой длины и формы – словно левая и правая рука одного человека, просто сложившего их вместе. – Я тебя никогда раньше не видел, – сказал Стоквен. – И мы с тобой смертельные враги.

Он встал, подбросил дров в камин; потом вернулся к своему гостю.

– Да, мы смертельные враги, сказал Эстравен. – Мы заклятые враги, но я дал бы тебе клятву кеммеринга.

– А я тебе, – сказал Стоквен.

И тогда оба поклялись друг другу в вечной верности, а в земле Керм – как тогда, так и сейчас – клятва эта нерушима и неизменна. Ту ночь и следующий день и ещё одну ночь провели они в хижине на берегу замёрзшего озера. Наутро небольшой отряд явился из княжества Сток, и один из пришедших узнал наследника лорда Эстре. Не говоря ни слова, он без предупреждения вытащил нож и на глазах у юного Стоквена, на глазах у всех зарезал Эстравена, вонзив клинок ему в грудь и горло. Юноша, обливаясь кровью, замертво рухнул на холодную золу в очаге.

– Он был единственным наследником Эстре, – сказал его убийца.

Стоквен ответил:

– В таком случае кладите его в свои сани и везите в Эстре: пусть его с честью там похоронят.

А сам вернулся в Сток. Однако убийцы хоть и пустились было в путь, но не повезли тело Эстравена домой, а оставили в дальнем лесу на растерзание диким зверям и той же ночью вернулись в Сток. Терем в присутствии своего родителя по крови лорда Хариша рем ир Стоквена спросил их:

– Сделали вы то, что я велел вам?

– Да, – ответили они.

И Терем сказал:

– Вы лжёте, ибо никогда не вернулись бы из Эстре живыми, если бы выполнили мой приказ. Итак, вы не выполнили его и вдобавок солгали, чтобы скрыть это; я требую изгнать этих людей из Стока.

И по приказу лорда Хариша убийцы были изгнаны из Очага и княжества и объявлены вне закона.

Вскоре после случившегося Терем покинул родной дом, сказав, что мечтает некоторое время пожить в Цитадели Ротерер, и на целый год исчез из княжества Сток.

А в княжестве Эстре всё это время тщетно искали юного Арека в горах и на равнинах, а потом оплакали его гибель: горько оплакивали его всё лето и осень, ибо он был единственным родным сыном князя и его наследником. Однако к концу месяца Терн, когда тяжёлым снежным покрывалом накрывает землю зима, пришёл со стороны гор некий лыж-

ник и подал стражнику у ворот свёрток, закутанный в меха, сказав:

– Это Терем, сын сына лорда Эстре.

А потом, подобно камню, скатывающемуся по крутому склону горы, он ринулся на своих лыжах вниз и исчез из виду прежде, чем кому-то пришло в голову задержать его.

В свёртке оказался новорождённый младенец. Он плакал. Люди отнесли его к лорду Сорве и передали то, что сообщил незнакомец; и душа лорда, исполненная тоски, узнала в младенце своего утраченного сына Арека. Он приказал объявить ребёнка сыном своей семьи и дал ему имя Терем, хоть подобное имя никогда раньше не встречалось в роду Эстре.

Ребёнок рос красивым, умным и сильным; это был смуглый и молчаливый мальчик и все видели в нём сходство с пропавшим Ареком. Когда Терем вырос, он был объявлен лордом Сорве наследником Эстре. И тут ожесточились сердца многих сводных его братьев, отцом которых был старый князь; каждый из них обладал своими достоинствами и силой, каждый претендовал на наследство. И они сговорились устроить юному Терему засаду, когда тот в одиночку отправился поохотиться в первый месяц весны. Юноша оказался хорошо вооружён, и заговорщикам не удалось застать его врасплох. Двоих он застрелил в тумане, что толстым покрывалом укутывает Ледяное озеро в начале весны, а с третьим дрался на ножах и убил его, хотя и сам оказался тяжело ранен – в грудь и в шею. После схватки он

бессильно стоял над телом брата и смотрел, как на землю спускается ночь. Терем слабел и страдал от боли, раны его обильно кровоточили, и он решил обратиться в ближайшую деревушку Эбос за помощью, однако во тьме и тумане сбился с пути и забрёл в густой лес на восточном берегу Ледяного озера. Там в зарослях деревьев тор он заметил уединённую хижину, открыл дверь, вошёл, но был слишком слаб и не смог разжечь огонь в очаге, а без сил упал на его холодные камни и лишился чувств. Кровь же продолжала сочиться из его открытых ран.

Среди ночи кто-то тихонько вошёл в хижину. Увидев окровавленного юношу, лежавшего у очага, человек так и застыл на пороге. Потом торопливо устроил удобное и тёплое ложе из меховых одеял, вынул их из сундука, развёл в очаге огонь, промыл и перевязал раны Терема. Заметив, что юноша пришёл в себя и смотрит на него, он сказал:

– Я Терем из Стока.

– А я Терем из Эстре.

И оба вдруг умолкли. Потом юноша улыбнулся и спросил:

– Ты перевязал мои раны и спас меня, чтобы потом убить, Стоквен?

– Нет, – ответил старший из этих двух Теремов.

Тогда Эстрарвен спросил:

– Как случилось, лорд Стоквен, что ты, правитель княжества, оказался здесь один, в столь опасном месте, на спорной земле, из-за которой идёт вражда?

– Я часто прихожу сюда, – ответил Стоквен.

Он взял юношу за руку, чтобы проверить нет ли у него жара; на какое-то мгновение его ладонь легла на ладонь юного Эстравена – каждый палец, каждая линия этих двух рук в точности совпали, словно то были руки одного человека.

– Мы с тобой смертельные враги, – сказал Стоквен.

– Да, мы смертельные враги. Но я никогда не видел тебя раньше.

Стоквен чуть отвернулся.

– Когда-то очень давно я однажды видел тебя, – сказал он. – Я очень хотел бы, чтобы между нашими Очагами установился мир.

И Эстравен сказал:

– Клянусь, что между мной и тобой всегда будет мир.

Оба они поклялись хранить мир и больше уже ни о чём не говорили. Раненый уснул. Рано утром Стоквен покинул хижину, но вскоре из деревни Эбос за Эстравеном пришли люди и перенесли его домой в Эстре. Больше ни один человек не осмеливался оспаривать волю старого князя: справедливость его решения доказана была кровью троих сыновей, пролитой на льду замёрзшего озера; и после смерти старого Сорве лордом Эстре стал Терем. Уже через год он прекратил распрю, передав половину спорных земель княжеству Сток. За это, а также за убийство трёх своих братьев его прозвали Эстравен-Предатель. Однако имя его, Терем, по-

прежнему очень часто дают детям княжества Эстре».

Нравы андрогинов на планете Гетен

Гетенианский жест соприкосновения ладоней, переходящий, по мере развития кеммера, в их судорожное сжатие сцепленными пальцами, – великолепная художественная находка писательницы. Это – ёмкий и многогранный символ. Если даже самым сексуально одарённым землянам (подобно Марине Цветаевой) суждено лишь

*краснеть удушливой волной,
едва соприкоснувшись рукавами,*

то для гетенианцев касание тел и ладоней становилось началом неминуемой страсти и половой близости.

Характерен эпизод совместного перехода Дженли Ая с Эстравеном через бескрайнее ледяное плато. У гетенианца наступил кеммер. Находясь в тесной палатке с землянином, он, как впоследствии вспоминал Ай, «смотрел на меня прямо и нежно. Всё это время он старался избегать меня настолько, насколько в таких условиях возможно избегать друг друга».

Землянину было проще. По гетенианским меркам, на сильную и необоримую страсть он вовсе не был способен. «Должно быть, – размышляет Эстравен, – это весьма странное и не слишком активное половое влечение, раз оно

растянуто на целый год и всегда точно известно к мужскому или женскому типу оно относится». Кроме того, землянин, по крайней мере, в ту пору чувствовал себя самым обычным гетеросексуальным мужчиной. С одной стороны, он и не очень-то понимал женскую психологию. «Харт, ну не могу я объяснить тебе, что такое женщины! Тебе этого не понять. В некотором смысле женщины для меня куда более чужие, чем ты. Куда больше „инопланетяне“. С тобой я как-никак одного пола...» С другой стороны, для него, как и подобает гетеросексуалу, не приемлема гомосексуальная связь: «Я тогда совсем не желал отдавать свою веру, свою дружбу мужчине, который одновременно был женщиной». Словом, Ай вёл себя хоть и несколько противоречиво, но, по крайней мере, без особых мук.

Между тем, Эстравена, буквально трясло от сексуального желания.

« – Я не должен тебя касаться, – сказал он очень напряжённо и отвернулся.

– Понимаю. И полностью с тобой согласен, – ответил я, ибо мне казалось, как возможно и ему, что именно из того сексуального напряжения, что возникло тогда между нами, – теперь допустимого и понятного, хотя и неутолённого, – и родилось ощущение той уверенности во взаимной дружбе, той самой, что так нужна была нам обоим в этой ссылке и так хорошо была доказана долгими днями и ночами нашего тяжёлого путешествия. Преданность и дружба

эта вполне могла бы быть названа более великим словом: любовь».

Итак, соприкосновение телами или ладонями в физиологии гетенианцев означает некую стадию полового цикла, схожую, например, с тем безусловным рефлексом, который заставляет самца-лягушку сжимать в своих лапах самку.

«С появлением первых тёплых весенних дней, – пишет русский физиолог И. Р. Тарханов, – наступает, как известно, и весьма горячая половая жизнь у лягушек; в ту пору самцы этих животных, побуждаемые половым инстинктом, приближаются к самкам, обхватывают их своими передними лапками и судорожно держат их в этом положении в течение нескольких дней. Самец выжидает в таком положении выхода яиц из клоаки самки и тут же оплодотворяет их выбрасываемой им семенной жидкостью. По выведении самкой всех яиц заканчивается, по-видимому, половой акт самца, и он, сходя с самки, освобождает её совсем и больше к ней не возвращается».

Физиолог рассказал о немилосердных опытах Спаланцани и Гольца, проведенных этими учёными на спаривающихся лягушках. Самцу можно было перерезать хребет с проходящим в нём спинным мозгом, отрезать голову – ничто не могло заставить его разжать любовное объятие и выпустить из цепких лап подругу. Стоило, однако, удалить у страстного любовника его семенные пузырьки или, что ещё проще, выдавить из них семенную жидкость, и «любви» как не бывало.

Так неужто нет никакой разницы между «любовным» объятием самца-лягушки и магическим жестом гетенианцев, соприкасающихся ладонями?! Ведь и тот и другой из обоих рефлексов относятся к разряду безусловных, не зависящих от психики и, тем более, от высших переживаний, называемых любовью.

Но, конечно же, у гетенианцев дело обстоит намного сложнее, чем у наших земноводных. Гетенианский жест приобретает у каждого отдельного гетенианца особое эмоционально окрашенное значение, становясь выражением индивидуального выбора объекта любовного влечения. Словом, кеммер, подобно двуликому Янусу, приобретает двойное значение. Разумеется, он – проявление стихийной силы, похожей на ту, что овладевала когда-то греческой поэтессой Сапфо:

*Эрос вновь меня мучит истомчивый –
Горько-сладостный, необоримый змей.*

К мощной стихии полового влечения на планете Гетен относятся с полным уважением и пониманием. «У каждого гетенианца раз в месяц бывает отпуск; ни один из жителей, кто бы он ни был по своему положению, не обязан работать, если он находится в кеммере (во всяком случае, его нельзя насильно заставить трудиться). Никто не может быть изгнан из „дома любви“, даже если у него нет денег или

он кажется кому-то неприятным. Всё как бы отступает перед регулярно появляющимися „томлениями страсти“».

И всё же, так ли уж неодолим и неизбежен секс в периоде кеммера? Как он ни силён, половой инстинкт вполне поддаётся сознательному контролю гетенианцев. В этом плане весьма характерна история с неким Гаумом, который произвёл неизгладимое впечатление даже на землянина Дженли. *«Он был поразительно хорош собой по меркам любой расы и любого пола; я просто глаз от него не мог отвести»*, – признаётся Ай. Так вот, этот самый Гаум работает в контрразведке и пытается соблазнить Эстравена, чтобы выведать у него какие-то секреты, ценные для «ФБР» его страны. На сей счёт есть дневниковые записи героя книги:

«Гаум полагает, что меня можно подкупить, и явно намерен попытаться сделать это, действуя своими собственными, весьма любопытными методами. Он либо следил за мной, либо приставлял ко мне наблюдателей – во всяком случае, я был у него под присмотром, – так, им известно, что я, например, вступлю в первую фазу кеммера на двенадцатый или тринадцатый день этого месяца. Именно поэтому он, якобы случайно, и подвернулся мне в самом расцвете собственного кеммера, явно стимулированного гормонами, чтобы соблазнить меня. «Чисто случайная» встреча на улице. – «Харт! Я вас целых полмесяца не видел! Где это вы прятались? Пойдёмте, выпьем по кружке пива».

Он выбрал пивную рядом с одним из государственных До-

мов любви. Но заказал не пиво, а «живую воду»: явно не соби-
рался терять время даром. После первой рюмки он положил
руку мне на ладонь и, приблизив своё лицо к моему, страст-
но прошептал: «ведь мы не случайно встретились сегодня: я
ждал вас. Молю: будьте моим кеммерингом!» – и назвал ме-
ня моим домашним именем. Я не отрезал ему язык только
потому, что с тех пор, как покинул Эстре, не ношу с собой
ножа, и сообщил, что намерен в ссылке блюсти воздержан-
ние. Он продолжал ворковать и цепляться за руки. Гаум в
состоянии кеммера особенно красив и очень рассчитывал на
свою красоту и сексуальную неотразимость, зная, по-мое-
му, что я никогда не принимаю средства, снижающие по-
ловую активность, так что особо упорствовать не стану.
Он забыл, что отвращение действует порой не хуже ино-
го лекарства. Я освободился из его объятий – разумеется,
не совсем оставшись равнодушным – и предложил ему вос-
пользоваться услугами ближайшего Дома любви. И тут он
посмотрел на меня с ненавистью, достойной сострадания,
потому что, как бы недостойны ни были его цели, сейчас он
находился в глубоком кеммере и был очень сильно возбуж-
дён».

Вот тебе и безусловный рефлекс соприкосновения!

Теперь понятно, почему не сработал этот инстинктивный
механизм при встрече обоих Теремов, Эстравена и Стокве-
на, его отца (точнее, матери!). Дело, похоже, не только в том,
что они оба были, возможно, далеки от кеммера. На планете

Гетен инцест (половая связь родителей с детьми) категорически запрещается.

Иначе обстоит дело с братской любовью, если она перерастает в плотскую. В подобных случаях гетенианский брак (кеммеринг) разрешён, но в отличие от супругов, не состоящих в родстве, братья-любовники не могут обмениваться обетом вечной любви. Как только у одного из них рождается сын, второй должен покинуть и своего бывшего супруга, и родной очаг. Так, по-видимому, гетенианцы борются с накоплением генетических сбоев, которыми чреваты близкородственные браки.

Тут мы сталкиваемся с важной сюжетной линией романа Ле Гуин.

Любовь братская и не только...

Читатель знакомится с Эстравеном в тот момент его жизни, когда герой романа занимает важный пост главы правительства в королевстве Кархайд. В то время он вёл холостяцкий образ жизни, обходясь без кеммеринга. Между тем, так было не всегда. Главным событием, во многом определившим характер гетенианца, была его любовь к старшему брату Ареку (Ле Гуин мастерски играет, наследственными повторами имён своих персонажей и циклическим повторением роковых событий в их жизни!). Когда у кеммерингов родился сын Сорве, то, следуя строгим предписаниям обычаев, отец новорождённого Терем должен был немедленно покинуть своего брата-супруга и оставить родной очаг. Арек, родивший их сына, остался дома и был провозглашён лордом-наследником Эстре.

Вынужденный разрыв любящих братьев чем-то напоминает горькую судьбу андрогинов из платоновского мифа, разорванных надвое суровым Зевсом. Старший брат так и не пережил разлуки с любимым. Он умер, прислав своему бывшему кеммерингу предсмертные строчки, полные поэзии и боли:

Двое – в одном, жизнь и смерть.

Всегда они вместе,

*нераздельно сплелись,
словно руки любимых,
как конец и начало времён.*

И хотя Арек ушёл из жизни, Терем по-прежнему чувствовал ладонь брата в своей руке; он поминутно вспоминал любимого, вёл с ним бесконечные беседы во сне. Он так и не возвратился в родной очаг, посылая лишь письма отцу, старому князю лорду Эстре, и своему сыну. Когда Аше встретил и полюбил Эстравена, тот пошёл навстречу чувству этого очень достойного человека. Целых семь лет они были кеммерингами, причём Терем стал отцом двух сыновей, рождённых Аше. Увы, всё это не стёрло из памяти старую любовь. Аше, страдая от неразделённого чувства к супругу, покинул его, приняв обет целомудрия. Когда рескриптом безумного короля Эстравен был объявлен предателем, и любые контакты с ним стали смертельно опасными, Аше, пренебрегая запретом, пришёл на помощь опальному министру.

Из дневника Эстравена:

«В течение последних трёх лет мы не виделись, и всё же, когда я заметил его в вечерних сумерках под каменной аркой ворот, мне сразу вспомнилась прежняя теплота наших отношений, словно расстались мы лишь вчера; я сразу понял, что в нём живы любовь и преданность; именно эта любовь и послала его навстречу в час невзгод. И чувствуя, что вновь запутываюсь во всём этом, я рассердился: любовь Аше все-

гда заставляла меня идти против собственной воли.

Я прошёл мимо него. Мне необходимо было быть жестоким, так что нечего было тянуть, нечего притворяться добреньким.

– Терем, – окликнул он меня и пошёл следом. – Терем, я пойду с тобой.

Я не ответил.

– Десять лет назад тоже был месяц Тува, и мы дали клятву ...

– А три года назад ты первым нарушил её и покинул меня. Впрочем, ты поступил разумно.

– Я никогда не нарушал клятву, которую мы тогда дали друг другу, Терем.

– Что ж, верно. Нечего было нарушать. Всё это было неправдой. Во второй раз такую клятву не дают. Ты и сам это знаешь; да и я тогда знал. Единственный раз по-настоящему поклялся я в верности, так никогда и не произнеся этого вслух, потому что это было невозможно; а теперь тот, кому я поклялся в верности мёртв, а моя клятва давно нарушена, так что никакой обет нас не связывает. Отпусти меня.

Я говорил гневно, но обвинял в нашей трагедии не Аше, а, скорее, самого себя; вся прожитая мною жизнь была словно нарушенная клятва. Но Аше этого не понял, в глазах его стояли слёзы, когда он сказал:

– Пусть нас не связывает клятва, но я очень люблю те-

бя».

Встреча с Дженли, круто переменившая жизнь Эстравена, была для него вдвойне судьбоносной. Землянин был посланцем Эйкумены, федерации планет, намного опередивших в своём развитии Гетен. В союзе с ней Эстравен видел прямой путь к тому, чтобы исцелить социальные язвы своей родины. Терем посвятил свою жизнь благородной цели – вступлению Гетена в галактическое содружество. Эта задача оказалась невероятно трудной и смертельно опасной, приведя Эстравена к опале. *«Я стал изгнанником ради вас, Дженли»*, – признался гетенианец. Землянин не понял тогда, что это было своего рода признанием в любви. Терем стал изгнанником повторно; впервые он пошёл на это из-за своей любви к брату Ареку. Два человека – покойный брат и землянин – совместились в чувствах и в судьбе Эстравена. Недаром в телепатической связи, вступать в которую Дженли обучил Терема, землянин говорил с ним голосом Арека. Эстравен достиг поставленной им цели: ценой сверхчеловеческих усилий он спас Дженли от гибели, выкрыв его из концентрационного лагеря; он заставил короля Арговена заключить договор с делегацией из космоса. Всё это досталось непомерно высокой ценой: он погиб, оставаясь «Эстравеном-Предателем», объявленным вне закона в пределах своего государства и родного очага. Лишь с его смертью землянин понял, что потерял не только союзника, верного друга и спасителя, но и горячо любящего человека. И тогда Дженли Ай, пыта-

ясь избавиться от горечи утраты, отправился в путешествие к домашним Терема Эстравена.

«Я зря надеялся обрести утешение в Эстре. Здесь утешения быть не могло; да и что могут изменить странствия по местам детства и юности моего покойного друга, как могу я заполнить пустоту в своей душе, обрести утешение и умерить сожаления? Теперь уже ничего изменить нельзя. Мой приезд в Эстре имел, однако, и вполне конкретную цель, и это дело я решил довести до конца.

– Мы с вашим сыном прожили вместе несколько долгих месяцев. Я был с ним рядом, когда он умер. Я принёс вам его дневники. И если бы я мог что-то рассказать вам об этих днях...

Лицо старика по-прежнему ничего не выражало. Это спокойствие трудно было нарушить. Но тут неожиданно из затемнённого угла на освещённое пространство между огнём и камином вышел юноша; неяркие отблески пламени плясали на его лице; он хрипло проговорил:

– Его ещё называют Эстравен-Предатель.

Старый князь посмотрел сперва на юношу, потом на меня.

– Это Сорве Харт, – сказал он, – наследник Эстре, сын моего сына.

У них не существует запрета на инцест, я достаточно хорошо это знал, но всё же мне, землянину, трудно было воспринять это сердцем и странно было видеть отсвет ду-

ши моего друга на лице мрачного, с яростно блестящими глазами мальчика. А когда я, наконец, снова заговорил, голос мой слегка дрожал:

– Король намерен публично отказаться от своего приговора. Предателем Терем не был. Разве имеет значение, как его называют глупцы?

Князь медленно и спокойно ответил.

– Имеет, – сказал он.

– Вы прошли через Ледник Гобрин вместе с ним? – спросил Сорве. Вы и он? Вдвоём?

– Да, прошли.

– Мне бы хотелось послушать историю об этом переходе, господин Посланник, – сказал старый князь очень спокойно.

Но мальчик, сын Терема, с трудом, заикаясь, проговорил, перебивая старика:

– Вы ведь расскажете нам, как он умер? Расскажите о других мирах, что существуют среди звёзд ... и о других людях, другой жизни?»

Это весьма многообещающая и символическая встреча. Речь идёт не только о новых горизонтах, открывшимся перед жителями планеты Гетен и представителями древнего рода Эстре. Новыми чувствами проникся и землянин: «Я даже думаю, – размышляет Дженли, – что в итоге окажется возможной и супружеская любовь между гетенианцем-андрогином и однополым гуманоидом, хотя подобный союз, безусловно, будет бесплодным. Это, разумеется, ещё нужно

доказать; Эстравен и я не доказали ровным образом ничего, если не считать области высших чувств».

Интерес землянина к юному Эстравену – отнюдь не свидетельство его педофилии (девиации, выражающейся в половом влечении к детям, не достигшим половой зрелости). Мальчиком Сорве назван весьма условно. На самом деле он – <...> *«стройный мрачноватый юноша лет девятнадцати-двадцати; во внешности и движениях его была девичья грация, однако ни одна девушка не могла бы так долго хранить столь мрачное молчание».* «Мальчик» и «девичья грация» – слова, которые в равной мере подходят к лорду-наследнику Эстре и к Гермафродиту из «Метаморфоз» Овидия Назона. Их назначение – оправдать в глазах читателя гомосексуальные чувства, которые каждый из обоих юношей будит, казалось бы, у вполне гетеросексуальных мужчин. Наличие влагалища делает как бы несущественным тот немаловажный факт, что комплект гениталий и того и другого включает половой член!

Но в отличие от женоподобного героя греческой мифологии, обладать которым не прочь все похотливые мифологические существа, наделённые мужской агрессивностью, юный гетенианец обладает вполне зрелым и сложным мужским характером. Об этом свидетельствует его мрачность, так не свойственная, по мнению Ле Гуин, молодым леди. Лишённый с детских лет родителей, подавленный несправедливой клеветой, преследующей его отца, Сорве вполне созрел

для высокой и преданной любви к землянину. Ведь тот в глазах юноши – герой, восстановивший честь отца и совершивший вместе с ним немыслимый подвиг, но одновременно – он человек, вобравший в себя отцовский образ. Мало того, юный Эстравен угадывает тоску землянина по утраченному другу и его горькие сожаления о нереализованных чувствах обоих. Оба, землянин и юный Сорве, неудержимо тянутся друг к другу, причём «мрачная молчаливость», так не вяжущаяся с «девичьей грацией мальчика», растаяла при первой же их встрече, сменившись восторженными расспросами об отце, о совместном подвиге Ая и Эстравена, о Космосе.

Нельзя забывать и о том, насколько изменился за время пребывания на Гетене старший из обоих – Ай Дженли. Он настолько «огомосексуализился», что лица и голоса людей, прибывших в составе галактической делегации, кажутся ему странными и «извращёнными». С трудом ему удалось справиться с подобными чувствами, и лишь общение с молодым врачом-гетенианцем вернуло Дженли утраченное им душевное равновесие. *«Его спокойный голос, его лицо – молодое, серьёзное лицо не мужчины и не женщины, а просто человека! – принесли мне облегчение; его лицо было таким, как надо...».*

Разумеется, столь полное гомосексуальное обращение Дженли выглядит несколько наивно. Оно отражает распространённое мнение о том, что соращение (или перевоспитание) способно изменить сексуальную ориентацию человека.

Это вовсе не так. Выраженность гомо– или гетеросексуального потенциала и их сочетание друг с другом у каждого индивида определяется биологическими причинами. Сращивание (и воспитание) может лишь выявить то, что изначально (со второго триместра внутриутробной жизни) заложено в человека его природой. Если Дженли оказался слишком чувствительным к любовным чарам гетерианцев, это свидетельствует о достаточной выраженности его собственного гомосексуального потенциала.

Метаморфозы вечной темы

Тема двуполости отнюдь не нова ни в мировой литературе, ни в религиозных культурах. Её корни уходят в глубь тысячелетий, во времена, когда у человечества и письменности-то ещё не было. Вариант подобного мифа, записанный римлянином Овидием, имеет сравнительно недавнюю историю: ему «всего лишь» 2000 лет. Поэт рассказывает о 15-летнем сыне богов Гермеса и Афродиты. Красивый мальчик неосторожно забрёл на берег прозрачного озера, где жила нимфа Салмакида.

*Та увидала его и огнём загорелась желанья.
«О мальчик прекраснейший, верю, ты из богов!
Я невеста тебе, войдём в нашу общую спальню!»
Молвив, замолкла она, а мальчик лицом заалелся,
он и не знал про любовь. Но стыдливость его украшала.
Нимфе, его без конца умолявшей ей дать поцелуи,
братские только, рукой уж касавшейся шеи точёной, –
«Брось, или я убегу, – он сказал, – и всё здесь покину!»
Та испугалась. «Тебе это место вполне уступаю!» –
сказала она, и вот отходит обратно,
но озиралась назад и, в чащу кустарника скрывшись,
спряталась там и, присев, подогнула колена. А мальчик,
не наблюдаем никем, в муравах луговины привольной
ходит туда и сюда и в игриво текущую воду
кончик ноги или всю до лодыжки стопу погружает.*

*Вот, не замедля, плёнён ласкающих вод теплою,
с нежного тела свою он мягкую сбросил одежду.*

*Остолбенела тогда Салмакида; страстью пылает
к юной его нагоме; разгорелись очи у нимфы.*

Жаждет объятий его; обезумев, сдержаться не может.

*«Я победила, он мой!» – закричала наяда и, сбросив
с плеч одеянья свои, в средину бросается влаги,*

*силою держит его и срывает в борьбе поцелуи,
под руки снизу берёт, самовольно касается груди,
плотно и этак и так прижимаясь к пловцу молодому.*

*Сопротивляется он и вырваться хочет, но нимфой
он уж обвит, как змейей. <...>*

*Так в морской глубине осьминог, врага захвативший,
держит его, протянув отовсюду щупалец путы.*

*Мальчик меж тем упирается, нимфе не хочет
радостей чаемых дать. Та льнёт, всем телом
прижалась,*

*словно впилась, говоря: «Бессовестный, как не борись ты,
не убежишь от меня! Прикажете же, вышние боги,
не расставаться весь век мне с ним, ему же со мною!»*

*Боги её услышали мольбу: смешавшись, обоих
соединились тела. <...>*

*Стали не двое они по отдельности, – двое в единстве:
то ли жена, то ли муж, не скажешь, – но то и другое.*

*Только лишь в светлой воде, куда он спустился
мужчиной,*

Сделался он полумуж...».

Скульпторы любили изображать Гермафродита прекрас-

ным юношей с женской грудью и мужским половым членом. В любовных сценах он всегда пассивен. Мне приходилось видеть скульптурные группы, изображающие сатиров, похотливо преследующих или насилующих Гермафродита, но сам он в мужской роли в произведениях искусства не представлен.

В отличие от этого юного и нежного создания, двуполые герои более древних мифов в полной мере наделены и мужской мощью, и женской плодовитостью. Именно такими предстают андрогины в знаменитом диалоге древнегреческого философа Платона. Даже боги испугались их могущества:

«Когда-то наша природа была не такой, как теперь, а совсем другой. Прежде всего, люди были трёх полов, а не двух, как ныне, – мужского и женского, ибо существовал ещё третий, который соединял в себе признаки этих обоих, сам он исчез, и от него осталось только название – андрогины, из которого видно, что они сочетали в себе оба пола – мужской и женский. Кроме того, тело у всех было округлое, спина не отличалась от груди, рук было четыре, ног столько же, сколько рук, и у каждого на круглой шее два лица, совершенно одинаковых; голова же у этих двух лиц, глядевших в противоположные стороны, была общая, ушей имелось две пары, срамных частей две, а прочее можно себе представить по всему, что было сказано. Передвигался он либо выпрямившись – так же, как мы теперь, но в любую из двух сторон, –

либо, если торопился, колесом, заноса ноги вверх и перека-
тываясь на восьми конечностях, что позволяло ему быстро
бежать вперёд. Страшные своей силой и мощью, они пита-
ли великие замыслы и посягали даже на власть богов.

И вот Зевс и прочие боги стали совещаться, как посту-
пить с ними, и не знали, как быть: убить их, поразив род
людской громом, как когда-то гигантов, – тогда боги ли-
шатся почестей и приношений от людей; но и мириться с
таким бесчинством тоже нельзя. Наконец Зевс, насилу кое-
что придумав, говорит:

– Кажется, я нашёл способ и сохранить людей, и поло-
жить конец их буйству, уменьшив их силу. Я разрежу каж-
дого из них пополам, и тогда они, во-первых, станут слабее,
а во-вторых, полезней для нас, потому что число их удво-
ится. И ходить они будут прямо, на двух ногах.

Сказав это, он стал разрезать людей пополам, как раз-
резают перед засолкой ягоды рябины. И у каждого, кого
он разрезал, лицо и половина шеи поворачивались в сторо-
ну разреза, чтобы, глядя на своё увечье, человек становил-
ся скромней. И бог поворачивал лица и, стянув ото всюду
кожу, как стягивают мешок, к одному месту, именуемому
теперь животом, завязывал получавшееся посреди живота
отверстие – оно и носит ныне название пупка. И вот ко-
гда тела были таким образом рассечены пополам, каждая
половина с возделением устремлялась к другой своей поло-
вине, они обнимались, сплетались и, страстно желая срас-

тись, умирали от голода и вообще от бездействия, потому что ничего не хотели делать порознь. Тут бог Зевс, пожалевав их, придумывает другое устройство: он переставляет вперёд срамные их части, которые до того были у них обращены в ту же сторону, что прежде лицо, так что семя они изливали не друг в друга, а в землю, как кузнечики. Переместил же он их срамные части, установив тем самым оплодотворение жёнами мужчинами, для того, чтобы при совокуплении мужчины с женщиной рождались дети и продолжался род, а когда мужчина сойдётся с женщиной – достигалось хотя бы удовлетворение от соития и они могли передохнуть, взяться за дела и позаботиться о других своих нуждах. Вот с каких давних пор свойственно людям любовное влечение друг к другу, которое, соединяя прежние половины, пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу.

Итак, каждый из нас – это половинка человека, расчлѐнного на две камбаловидные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину. Мужчины, представляющие собой одну из частей того двуполого прежде существа, которое называлось андрогинном, охочи до женщин, и блудодееи в большинстве своём принадлежат именно к этой породе, а женщины такого происхождения падки до мужчин и распутны. Женщины же, представляющие собой половинку прежней женщины, к мужчинам не очень расположены, и их больше привлекают женщины. Зато мужчин,

представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечёт ко всему мужскому; уже в детстве они любят мужчин, и им нравится лежать и обниматься с мужчинами. Такой человек непременно становится любителем юношей.

Когда кому-либо, будь то любитель юношей или всякий другой, случается встретить как раз свою половину, обоих охватывает такое чувство привязанности, близости и любви, что они поистине не хотят разлучаться даже на короткое время. И люди, которые проводят вместе всю жизнь, не могут даже сказать, чего они, собственно, хотят друг от друга. Ведь нельзя же утверждать, что только ради похоти столь ревностно стремятся они быть вместе. Ясно, что душа каждого хочет чего-то другого, чего именно она не может сказать и лишь туманно догадывается о своих желаниях. <...> Таким образом, любовью называется жажда утраченной целостности и стремление к ней».

Платон, живший за пятьсот лет до Овидия, не сам придумал этот миф; он стал ему известен от орфиков – последователей древнейшего культа Диониса. Так что миф об андрогинах пришёл к нам из глубины тысячелетий, возникнув на самых ранних этапах развития человеческой культуры. Сказания о беременных богах, также как и статуэтки богинь, наделённых мужской бородой, были и у древних египтян, и у греков. Известен, например, миф о беременности Гора, одного из самых главных богов египетского пантеона! Всё это свидетельствует о том, что тема двуполости играла важную

роль в религиозном мировоззрении первобытных людей.

Сейчас трудно установить назначение этих мифов. Наверняка можно утверждать лишь то, что с их помощью уточнялась роль каждого из полов в деторождении.

Миф, пересказанный Платоном, утверждает, что половое разделение пришло в наш мир на смену эре андрогинов, неспособных к размножению. В его основе лежит историческое открытие: люди узнали о том, что у ребёнка есть не только мать, но и отец. То, что сейчас известно даже малым детям, долгое время оставалось тайной для наших предков. Роль материнства была всегда очевидной, но то, что зачатие – результат полового акта и что оно вызвано попаданием спермы в половые пути женщины, стало известно людям лишь в ходе их наблюдений над одомашненными животными. Мы можем предположить вероятное время подобного открытия и возникновения мифов, его формулирующих: это случилось в эпоху перехода от собирательства к скотоводству и земледелию. Между тем, то была переломная эра в истории человечества, когда власть в первобытном обществе стала переходить от женщин к мужчинам. Смена матриархата патриархатом сопровождалась тем, что дети, которые прежде учитывались по линии матери, стали причисляться к родне отца. Одновременно возникло и право наследования отцовского имущества.

Становление новых отношений и понятий не обходилось без ожесточённой борьбы. Из глубины веков до нас дошли

легенды и сказания, пытающиеся поставить под сомнение роль каждого из полов в деторождении. Многим религиям присущи мифы о непорочном зачатии. Их идеологическая направленность очевидна: участие отца в деторождении, мол, вовсе не обязательно. Сохранились в памяти людей и контрмифы, придуманные мужчинами. Так, нартский богатырь Сослан был рождён не женщиной, а каменной глыбой, на которую упало семя отца героя, охваченного похотью. Подобные же мифы есть и у других народов.

Разумеется, древние идеологические споры сейчас не актуальны, их идеологическая подоплёка давным-давно позабыта. Живучесть же мифов объясняется двумя причинами: их связью с религиозными культами и с какими-то неизменными особенностями человеческой психологии. Эти сказания задевают некие вечные струны в половом самосознании людей. Кто из мужчин, если и не завидовал яркости оргазма, переживаемого женщиной, то уж, по крайней мере, не желал бы хотя бы приблизительно получить представление о том, что она в этот момент испытывает?! Из психоанализа известен женский комплекс зависти к мужскому члену, который берёт своё начало из детских наблюдений девочек. В отрывке из романа Ле Гуин, процитированном ранее, этот комплекс претерпел весьма красноречивую метаморфозу. Эстравен якобы не завидует наличию члена у своего друга-землянина, а, напротив, испытывает жалость к его владельцу (весьма комичную, если подумать). Но, если бы столь энер-

гично отрицаемой зависти не было бы на самом деле, то не возникла бы и нелепая забота гетенианца о том, что верзила-негр может повредить свой чересчур громоздкий орган!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.